

18+

ПАДШИЙ ВРАГ

БЕССЕРДЕЧНЫЕ ИЗГОИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л. ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Бессердечные
изгои. Падший враг
Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн»
Серия «Бессердечные изгои», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70284982

*Л. Дж. Шэн. Бессердечные изгои. Падший враг: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-198643-8*

Аннотация

Арсен Корбин не намерен жениться по любви. Его невеста всегда была лишь средством достижения цели, девушкой, которую он просто хотел завоевать. Но, когда она внезапно погибает в результате несчастного случая, грандиозный план Арсена рушится.

Пытаясь оправиться после смерти невесты, Арсен знакомится с Уиннифред, актрисой, которая после череды неудач получает желанное место в труппе его театра... и которая знает о его покойной невесте то, чего не знает никто другой. Однако есть маленькая проблема. Они на дух друг друга не переносят.

За кулисами театра Уинни начинает влюбляться в страстного миллиардера. Она ценит его остроумие и необычную увлеченность астрономией, а Арсен, каким бы пресыщенным он ни был, уважает своевольный характер Уинни.

Трагедия и предательство сводят их. Но смогут ли они удержать Арсена и Уиннифред вместе или же лишь разожгут их желание? Арсен Корбин не намерен жениться по любви. Его невеста всегда была лишь средством достижения цели, девушкой, которую он просто хотел завоевать. Но, когда она внезапно погибает в результате несчастного случая, грандиозный план Арсена рушится.

Пытаясь оправиться после смерти невесты, Арсен знакомится с Уиннифред, актрисой, которая после череды неудач получает желанное место в труппе его театра... и которая знает о его покойной невесте то, чего не знает никто другой. Однако есть маленькая проблема. Они на дух друг друга не переносят.

За кулисами театра Уинни начинает влюбляться в страстного миллиардера. Она ценит его остроумие и необычную увлеченность астрономией, а Арсен, каким бы пресыщенным он ни был, уважает своевольный характер Уинни.

Трагедия и предательство сводят их. Но смогут ли они удержать Арсена и Уиннифред вместе или же лишь разожгут их желание?

Содержание

Часть 1	7
Глава 1. Арсен	7
Глава 2. Арсен	20
Глава 3. Арсен	41
Глава 4. Арсен	60
Глава 5. Арсен	79
Глава 6. Арсен	89
Глава 7. Арсен	97
Глава 8. Арсен	114
Глава 9. Арсен	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Л. Шэн

Бессердечные изгой. Падший враг

L. J. Shen
Fallen Foe

© 2023. FALLEN FOE by L. J. Shen

© Журавлева В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящается Пи и Эй.

Я говорила, что у нас закончатся люди, которым можно посвящать наши книги. Нам нужно начать знакомиться с другими!

Я теперь знаю, понимаю, что в нашем деле – все равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть.

Антон Чехов «Чайка»

Часть 1

Глава 1. Арсен

В Портофино крыши другие.

Более плоские, широкие и старые.

Пастельные здания выросли из-под земли, настолько тесно прижимаясь друг к другу, что между стенами, даже если очень постараться, и зубочистку не просунуть. Яхты в гавани аккуратно пришвартованы на одинаковом расстоянии друг от друга. Средиземное море блестело под последними солнечными лучами, пока наступали сумерки.

Я сидел на балконе своего номера в гостинице с видом на Итальянскую Ривьеру, наблюдая, как на мраморных перилах божья коровка вращалась на спинке вокруг своей оси, словно планета Венера.

Перевернув божью коровку, чтобы она могла встать, я сделал глоток белого вина. Сегодняшнее меню покоилось на моих коленях. Рагу из дикого кабана было самым дорогим блюдом, из-за чего я обязан был заказать его. Только ради того, чтобы посмотреть, как идиоты из бухгалтерии будут обливаться потом над своими тарелками с ризотто, понимая, что эта конференция обойдется им намного дороже, чем они рассчитывали.

Корпоративные мероприятия – место, где хорошие идеи умирают. Общеизвестный факт, что ни одна коммерческая тайна не будет обсуждаться даже шепотом на официальном мероприятии фирмы. Ценная информация рынка, например, оружие, будет продаваться за стенами фирмы, где-то за кулисами индустрии.

Мы здесь не из-за моей работы. На самом деле у меня нет работы, в привычном смысле этого слова. Я одиночка. Консультант по количественной торговле с почасовой оплатой от компаний хедж-фондов за помощь в разборе конгломерата потенциальных инвестиций. Во что инвестировать, сколько и как не отставать от годовой доходности, которую ожидают от них клиенты. Мои друзья часто сравнивали меня с Чендлером из «Друзей». То есть никто не знает, чем я на самом деле занимаюсь. Но моя работа довольно проста: я помогаю богатым людям становиться еще богаче.

– Уже примеряю новое платье, – промурлыкал женский голос со стороны балконной двери. – Еще десять минуточек. Не пей слишком много. Даже трезвый, ты чуть ли не дикарь для этих зануд в смокингах.

Кинув меню на ближайший столик, я взял книгу, лежащую рядом, и перевернул ее на следующую страницу. Это была «Краткие ответы на большие вопросы» Стивена Хокинга.

Из-за того что мы жили на верхнем этаже курорта, я мог видеть практически все балконы, выходящие на юг с видом

на гавань.

Так я и заметил их впервые.

Пару, двумя террасами ниже от нас.

Они единственные, кто наслаждался последними лучами заходящего солнца. Их светлые головы покачивались в унисон. Его волосы цвета кукурузы. Ее же золотисто-каштановые, смесь золотого и красного, словно выжженный песок пустыни.

На нем строгий костюм, на ней бордовое платье. Что-то простое, дешевое на вид, почти вульгарное. Не девушка ли по вызову? Сомнительно. Магнаты хедж-фондов с Уолл-стрит тратятся на дорого выглядящих девушек. На тех, у кого встроенный дизайнерский гардероб, туфли с красной подошвой и манеры из частной школы. «Красотки» существуют только в сказках и фильмах с Джулией Робертс. На Манхэттене никто не ценит в женщинах обаяние, честность и личные причуды.

Нет. Это деревенская простушка. Может, амбициозная местная жительница, которая забралась в его постель в надежде заработать большие чаевые.

Парочка наслаждалась персиком и липкими, сладкими поцелуями. Сок стекал по их губам, когда он передал ей фрукт. Она ухмыльнулась, откусывая мякоть персика, не прерывая с ним зрительный контакт. Мужчина впился в ее губы жадным поцелуем, и, прежде чем он успел отстраниться, чтобы прошептать ей что-то на ухо, она сильно укусила

его за нижнюю губу.

Девушка откинула голову назад и рассмеялась, показывая бледный, длинный изгиб шеи. Я заерзал на стуле, моя книга прикрывала заметное нарастающее возбуждение. Не знаю, что больше заводило. Персик, девушка или тот факт, что я официально стал вуайеристом. Скорее всего, все вместе.

Мужчина опустил голову и, не упуская возможности, начал слизывать длинную дорожку нектара. Они опирались на перила, его тело крепко прижималось к ее.

Что-то пробежало между ними. Что-то, из-за чего волосы на моей шее встали дыбом. Чем бы ни наслаждались эти двое, это было то, чего я лишен сейчас.

А я из тех, кто привык добиваться всего, чего хочу.

– Ты уже попробовал белое? – Стеклопанная дверь со скрипом открылась. Я бросил взгляд на человека, которому принадлежал голос.

– Слишком много аниса и трюфеля, да? – моя спутница усмехнулась и надула губы. Она все еще была в халате. Сколько часов нужно, чтобы надеть проклятое платье?

– По мне, на вкус неплохо. Мы опоздаем, – сказал я, делая глоток вина.

– И с каких пор тебя волнуют опоздания? – Она выгнула бровь.

– Не волнуют. Но я голодный, – категорически ответил я.

– Будешь хорошо себя вести, и я, может, стану твоим десертом, – дьявольски улыбнулась она, добавляя к словам

подмигивание.

– Нет десерта, нет свидания. Услуга за услугу, и я не филантроп, – заметил я, взболтнув вино в нетронутым бокале.

Она закатила глаза.

– Можешь хотя бы притвориться терпимым?

– Можешь притвориться, что я нравлюсь тебе? – в ответ выплюнул я.

– Конечно, ты нравишься мне. Почему еще мне быть с тобой? – она вздохнула.

– Я могу подумать о тридцати трех миллионах причин, – проговорил я, имея в виду свой собственный доход до получения предстоящего наследства.

– Боже, ты грубый. Моя мама была права насчет тебя. – Она хлопнула дверью перед моим лицом.

Я положил книгу на стол, возвращая внимание на парочку на балконе. Они все еще там, целуются, не думая ни о чем в мире. Он наматывает ее волосы на кулак, оттягивая и поднимая ее лицо, и снова грубо целует. Их языки эротично переплетались. Она обхватила его за лицо, задевая верхними зубами его нижнюю губу. Мой член снова напрягается. Не сложно догадаться, она полностью его. То, как она слепо принадлежала ему и то, как ей спокойно было от этого факта. Факта принадлежности другому человеку. Это вызывало у меня желание вынести ей мозг, чтобы доказать свою точку зрения.

Никто не принадлежит тебе, как и ты никому. Мы все

лишь падшие враги, которые пытаются выжить в этой вселенной.

Он провел губами по ее шее, обхватил руками ее грудь, поднимая к своим губам. Край ее розового соска торчал из-под платья. Она опомнилась только тогда, когда его губы достигли ложбинки на груди.

Девушка оттолкнула его, тяжело дыша. Может, она знала, что за ними наблюдали. Если она ждала, что мне станет неловко, лучше ей смириться, потому что этого не произойдет. Это они трутся друг об друга на всеобщее обозрение. Я просто человек, который наслаждался притязательным бокалом вина в этот летний ленивый день.

Стеклянная дверь снова открылась, и Грейслин Лэнгстон на этот раз вышла в черном шифоновом блестящем платье. На ней была одежда бренда Akris, которую я купил ей на следующий день после того, как она приползла ко мне в кровать в тысячный раз за последнее десятилетие.

В этом была вся Грейслин, или, как я называю ее, Грейс. Спала со мной. Бросала меня. Возвращалась ко мне. Она всегда удивлялась тому, как она оказывается на пороге моего дома, задумчивая и иногда пьяная, но всегда униженная.

Однако это никогда не удивляло меня.

Я смирился с тем, какие мы. Неблагополучная, испорченная пара, как и наши родители. Только в нашем случае без физического насилия.

С годами я усовершенствовал мастерство по управлению

своей сводной сестрой. Пользуясь ее взрывным характером в своих интересах.

Теперь я могу определить точный момент, когда Грейс собиралась бросить меня. Обычно это происходило, когда наши отношения начинали казаться настоящими и серьезными. Когда похотливая пелена от секса со сводным братом спадала и она оставалась с последствиями. С мужчиной, которого она презирала. Отчужденным, молчаливым монстром. Социальным изгоем, изгнанным из приличного общества Уолл-стрит из-за двухлетнего надзорного запрета по обвинениям во внутренней торговле.

И словно швейцарские часы, в минуту, когда она уходила, я становился отстраненным, недоступным и начинал обращать внимание на других девушек. На таких девушек, которых она не одобряла. На них было слишком много макияжа, и они копировали наследниц отелей, нося дизайнерские сумки из секонд-хенда.

Это работало просто отлично. Грейс всегда возвращалась. Она терпеть меня не могла. Но еще больше она ненавидела, когда я показывался под руку с другой.

– Застегни, – требовала она теперь, неторопливо подходя, покачивая бедрами. Она повернулась ко мне спиной. Каждый позвонок на ее спине ярко выражен. Ей удастся сохранить свою стройную фигуру балерины, хотя ей уже давно пришлось отказаться от своей мечты.

– Сколько людей сегодня почтут нас своей посредствен-

ностью? – спросил я, застегивая молнию на ее спине.

– Как всегда, слишком много, – ответила она, держа невидимки во рту, чтобы заправить последние пряди в прическу. – Хотя бы пригласили только двадцать лучших сотрудников и их помощников. Никого из легкомысленных персональных ассистентов, слава богу.

Грейс представляла меня не своим парнем, а сводным братом, даже несмотря на то, что наши родители развелись, как только мы пошли в колледж.

Но она все же представляла меня, ведь я хорошо известен в биржевой торговле. Меня боялись, уважали, но я почти никому не нравился. Она знает мои рычаги давления, мой стиль. Может, я и был паршивой овцой в мире хедж-фондов, но все же знал, как зарабатывать деньги. А людям с Уолл-стрит очень нравятся те, кто знает, как это делать. Это их любимый трюк на вечеринках.

Мои пальцы замерли, когда я увидел шрам на верхней части ее спины. Тот самый, который напоминал мне, что случилось с ней. Что случилось со мной двадцать четыре года назад. Я провожу по шраму подушечкой пальца. Ее тело покрылось мурашками, и она отстранилась, словно я ударил ее.

– Очень видно? – Она теребила прочно застегнутый браслет, прочищая горло.

– Нет, – соврал я, застегивая до конца молнию. Я остановился. Что-то нашло на меня. Необходимость прикоснуться губами к ее шраму. Успокоить ее. Я проигнорировал порыв,

вместо чего проговорил: – Готово, Венера.

– Венера?

– Самая горячая планета Солнечной системы. – Я подмигнул, включая своего внутреннего Кристиана Миллера. Мой друг, который каким-то образом усовершенствовал искусство быть в отношениях и наслаждаться ими, а не превращать их во взрослую игру, как это делал я.

Почти слышу, как Грейс пренебрежительно морщит нос.

– Спасибо Господу, что ты скрытный зануда. Только представь, если бы другие люди узнали о твоей астрономической причуде? – она фыркнула, отходя от меня. – Теперь мне нужна пара сережек. Что думаешь, серьги из розового золота с бриллиантами или аквамарины?

Первую пару сережек я подарил на ее двадцать восьмой день рождения, намеренно обыграв ее тогдашнего парня. Она бросила его в тот же вечер, испытывая ужас от перспективы быть с риелтором из среднего класса, который мог купить ей Louboutins только из прошлогодней коллекции. После этого она ждала меня в моей постели в одних сережках. Другая пара была подарком после того, как я прекратил трехмесячную интрижку с Люсиндой, – да, с ее заклятой неприятельницей с детства. Тогда Грейс долго не могла ко мне вернуться после очередного нашего расставания.

Бедная, бедная Люсинда. Ее ждал неприятный сюрприз, когда она вернулась из ее парижского тура в качестве при-ма-балерины и увидела, как Грейс растягивалась в моей по-

стели.

Мои подарки всегда были пропитаны намерениями, целями и ядом. Они были как грязные и жестокие поцелуи. Смесь страсти и боли.

– Аквамарины, – протянул я.

Она наклонилась ко мне, чтобы запечатлеть холодный поцелуй на моих губах. Мне хотелось, чтобы она отодвинулась и я смог увидеть, занялась ли та парочка двумя этажами ниже сексом на виду у всех. Их извращенность явно лучше нашей. Я бросил взгляд на их балкон. Грейс проследила за моим взглядом.

– Похоже, ты познакомился с моим начальником. В каком-то смысле. – Ее губы изогнулись в ехидной улыбке.

– Ты знаешь этого придурка? – Я сделал глоток вина.

– Пол Эшкрофт? Он новый главный операционный директор компании Silver Arrow. Уверена, я говорила о нем.

Компания, в которой Грейс работала аналитиком.

Пол и его собеседница стояли к нам спинами. Теперь они, похоже, просто разговаривали и держали руки при себе.

– Уверен, что не говорила. Не то чтобы он выглядит как запоминающийся чем-то персонаж. – Я указал подбородком в сторону женщины в красном. – Он становится довольно резвым с помощницей.

– Она – скромное создание, да? Верь или нет, но он надел кольцо ей на палец. Довольно дорогое, между прочим, – Грейс радостно рассмеялась. Ничего не приносило ей боль-

шего удовольствия, чем наблюдать, как другую женщину разрушают.

– Он менеджер хедж-фонда. Он преуспевает в рискованных ставках, – цыкнул я.

– Она выпускница Джульярда с Глубокого Юга¹. Я ставлю, что их отношения продлятся полгода, – продолжила Грейс, прищурившись, чтобы лучше разглядеть их.

– Какое великодушие с твоей стороны, – посмеялся я.

Я знал таких, как Пол. Манхэттенские акулы, которые превозносят южных красоток со сладкоречивым голосом только ради того, чтобы понять, что противоположности притягиваются, но не подходят друг другу. Такие отношения всегда заканчиваются разводом, взаимной клеветой и, конечно, если женщина подсуетилась, ежемесячным толстым чеком на содержание ребенка.

– Ты меня знаешь. Доброта – мое второе имя. Я пойду надену сережки. Стой, а как же галстук? – Грейс дулась, глядя на меня сверху вниз. На мне был черный кашемировый свитер и клетчатые брюки.

– Последнее, чего мне хочется, так это произвести хорошее впечатление. – Я вернулся к своей книге.

– Ты бунтуешь без причины.

– Наоборот. – Я перевернул страницу. – У меня есть причины. Я хочу, чтобы все оставили меня, к черту, в покое. Пока что все идет удачно.

¹ Обозначение географических и культурных регионов на юге США.

– Тебе очень повезло со мной. – Она покачала головой.

После чего исчезла в нашей комнате, забирая с собой гигантское мироощущение и соответствующее эго.

Я бросил еще один взгляд на парочку. Пола на балконе уже не было.

Но его жена все еще была там. И смотрела прямо на меня.

Внимательно. С обвиняющей меня в чем-то яростью. Как будто она ожидала, что я сделаю что-нибудь.

Она заметила, что я наблюдал?

В замешательстве я огляделся, проверяя, точно ли она смотрела на меня. Никого больше не было видно. Ее большие, голубые и безжалостные глаза впились в мои сильнее.

Может, она заложница? Хотя вряд ли. Она выглядела довольно радостной, когда целовалась с мужем всего несколько минут назад. Она пыталась пристыдить меня за то, что я наблюдал за ними? Удачи с этим. В последний раз мою совесть видели в десять лет, когда она покидала больничную палату с диким рычанием, ударяя стены по пути.

Я встретился с ней взглядом, не понимая, что происходило, но всегда «за» участие во враждебных противостояниях. Я выгнул бровь.

Она моргнула первая. Я тихо посмеялся, покачивая головой, уже собираясь вернуться к своей книге. Она быстро вытерла щеки. *Подождите... Она плачет.*

Плачет. На роскошном отдыхе в Итальянской Ривьере. Женщины такие переменчивые создания. Всегда им невоз-

можно угодить. Бедный Пол.

Мы снова сцепились взглядами. Она выглядит одержимой. Мне следовало бы встать и уйти. Но она выглядела такой восхитительно уязвимой, такой потерянной, из-за чего часть меня хочет увидеть, что она сделает дальше.

И с каких пор мне не плевать, что делают другие люди?

Показывая хладнокровие, я поднялся и схватил книгу в твердом переплете, развернулся на пятках и ушел.

Возможно, у миссис Эшкрофт проблемы.

Но они не мои, чтобы их решать.

Глава 2. Арсен

Через час Грейс порхала вокруг своих коллег по бело-серому мраморному полу, держа в руке бокал шампанского. Она смеялась, когда это было уместно, сочувственно хмурилась, когда необходимо, и прилежно представляла меня, как своего сводного брата и экстраординарного финансового гения.

Я подыгрывал. Моей конечной целью всегда было показать, что Грейс моя. Чтобы это видели: мой отец, ее мать, мои друзья. Эта женщина вгрызлась мне под кожу. Она навсегда отпечаталась на каждой из моих костей, и я не остановлюсь, пока не выставлю ее своей драгоценной собственностью.

В каком-то смысле я наслаждался тем, как она скрывала наши отношения. Так уж вышло, что чем больше Грейс подчеркивала, что мы сводные брат и сестра, тем мучительнее для нее будет, когда наши отношения станут достоянием общности.

В моих самых темных и грязных фантазиях Грейслин Лэнгстон, запинаясь, пыталась объяснить, как так получилось, что в итоге она вышла замуж за человека, которого годами представляла своим братом.

Она будет носить мое кольцо. Несмотря ни на что.

Ресторан переполнен людьми. Мы с Грейс общались с Чипом Бреслином, генеральным директором компании. Он жа-

ловался на то, что потратил весь месяц на отмену выгодных сделок из-за ужесточения политики ФРС², поглядывая в мою сторону, чтобы посмотреть, не задумался ли я об этом. Я не давал бесплатных советов. Особенно сейчас, когда развитие моего собственного рабочего портфолио остановлено из-за моего нового двухлетнего запрета.

– Ах, давайте, Корбин, подействуйте хотя бы немного, – посмеялся Чип, наконец переходя к делу. – Каким вы видите развитие следующего делового квартала? Мой приятель Джим из Woodstock Trading сказал, что вы упомянули только короткие.

– Я профессиональный пессимист. – Я оглядел комнату в поисках отвлечения. – В любом случае, у меня вынужденный перерыв, и я не собираюсь нарушать запрет ради болтовни.

– Оу, я бы даже не подумал! – Он покраснел, неловко смеясь.

– На самом деле, вы только что прямо спросили меня, – учтиво ответил я. Бреслин на это улыбнулся и сказал, что ему нужно найти жену у бара.

– Вы знаете, как это бывает. – Он подмигнул и толкнул меня локтем, уходя.

Если честно, я не знал. Грейс обладала безупречным самоконтролем во всех сферах своей жизни, кроме отношений

² Федеральная резервная система (*сокр. ФРС*) – специально созданное независимое федеральное агентство для выполнения функций центрального банка и осуществления централизованного контроля над коммерческой банковской системой США.

со мной. Она безэмоциональная, расчетливая и безжалостная эгоистка, как и я.

– Видишь, поэтому ты не нравишься людям. – Грейс постучала квадратными, покрытыми естественным цветом ноготками по бокалу. – Он пытался поговорить с тобой о бизнесе, а ты его просто унизил.

– Есть лишь горстка людей, с которых я не беру плату за свое присутствие, и в настоящее время я смотрю на тридцать три процента из них. – Мой взгляд упал на ее декольте. Похоже, сегодня я пересплю с ее грудью. Грейс не нравилось, когда я кончал в нее, даже с презервативом. Но она была не против всего остального, чего желало мое сердце (и член).

– Ты пытаешься очаровать мои трусики? – ухмыльнулась она.

– Вообще-то я надеялся, что на тебе их нет.

Зал заполнился до такой степени, что стало слишком тесно и потно, но наше место около бара осталось пустым.

– Все стоят в проходе. Что за переполох? – Внимание Грейс переместилось ко входу.

Я повернулся, чтобы увидеть, на что она смотрела. Пол и его простушка только что вошли в зал. Все сразу же поспешили к ним. Включая Чипа и его жену, которая неуверенно обходила людей и цеплялась за руку мужа. Больше всего внимания уделялось симпатичной блондиночке, жене Пола, главному источнику веселья на вечеринке. Словно картина Энди Уорхола, она была яркой и живой, сияющая в комна-

те, полной людей в черном, сером или бежевом. Любопытная маленькая штучка. Ее одежда слишком кричащая, улыбка слишком широкая, ее глаза дико смотрели вокруг, исследуя обстановку зала, в которую она вошла. Я решил, что она очаровательно инфантильна, как ребенок.

– Она что, раздает там бесплатные минеты? – спрашиваю я, поддерживая разговор и зная, что моя тайная девушка не любила, когда ее игнорировали. Особенно из-за другой женщины.

– Я бы не удивилась. – Грейс прикусила щеку изнутри, ее ноздри раздувались. – Уинни – маленькая карманная собачка всех вокруг. Она отправляет Пола работать с ковбойскими печеньями по рецепту Лоры Буш и волонтером в детские благотворительные организации, и...

– Ее зовут Уинни? – Нахмурился я, перебив Грейс.

– Уиннифред. – Она закатила глаза. – Странно, да?

– Он женился на мультяшке, – пошутил я.

Девушка была ходячим плюшевым медведем. И она поступила в Джульярд. Школа, которую Грейс выбрала, когда еще думала о шансе стать балериной. Я был удивлен, что она не проявляла к ней более явной агрессии. Может, моя сводная сестра наконец научилась противостоять конкуренции.

– Думаю, нам стоит поздороваться. – В этот момент Грейс выглядела так, будто она бы лучше проглотила собственную рвоту, чем сделала это.

Мне не особо хотелось целовать кольцо настоящей Мэри

Сью, которая плакала на своем балконе и злобно смотрела на меня, но я также не хотел, чтобы Грейс жаловалась на то, что я не командный игрок.

Мы подошли к Эшкрофтам, насколько это было возможно. Женщины толпились вокруг Уиннифред, требуя рецепт печений, а Пол собственнически обнимал ее за талию. Грейс протолкнулась к ним ближе и в воздухе чмокнула щеки Пола.

– Ну, здравствуйте. Как приятно вас двоих видеть здесь. – Она продолжила дарить поцелуи уже щекам Уинни, сжимая ее руки. – Ах, ты выглядишь прекрасно, Уиннифред!

Грейс не считала, что эта женщина выглядит прекрасно в этом безвкусном обычном платье и полосатых туфлях на каблуках, которые она, вероятно, купила на распродаже в Walmart.

– Как и ты, Грейс! – Улыбка Уинни щедрая и честная. – Ты выглядишь так, будто снимаешься в кино!

Как Малефисента, вероятно.

– Это мой сводный брат, Арсен Корбин. Мы работаем вместе, поэтому за последние годы мы стали очень близки, – представила меня Грейс, показывая на меня рукой, будто я был аукционным лотом на церемонии по сбору средств. Я ухмыльнулся. Чрезмерное объяснение всегда выдавало ее. Если бы она просто представляла меня как сводного брата, то, возможно, пол-Манхэттена не шептались бы у нее за спиной, что я постоянно сплю с ней.

– Ваша репутация идет впереди вас, мистер Корбин. Как жизнь в мире без торгов? – Я пожал руку Пола, который лучезарно улыбался.

– Такая же бессмысленная, как и внутри него. – Я вынул свою грубую сухую руку из его потной. – Хотя я все равно продолжаю заниматься делами. Сейчас инвестирую в более материальные активы.

– Да, я слышал. Вы приобрели компанию по доставке и перевозке грузов, верно? – Пол погладил подбородок. – Очень умно. В эпоху бума на онлайн-покупки.

Он выглядел, как человеческий вариант овсянки. Привилегированный, вежливый и скучный. Я встречал достаточно мужчин, как Пол, чтобы знать, какой он на вкус и какое у него послевкусие. Он был из тех, кто изменял жене со своей секретаршей, как только первой исполнится тридцать пять. Из тех людей, которые внимательно следили, что делали такие люди, как я. В попытке получить идеи и для себя.

– Это моя жена, Уинни. – Пол поцеловал в плечо маленькую женщину. Она полностью повернулась ко мне, и, наконец, я понял причину, по которой Пол решил, что она стоила большего, чем пара ночей. Она, если говорить объективно, излучала свет. Ее кожа здоровая и сияющая, ее глаза яркие и любопытные, ее улыбка заразительная и открытая. Она была из тех женщин, о которых обычно говорят, что они освещают комнату. Грейс, напротив, была из тех, из-за которых температура в помещении падала до арктического уровня,

где бы она ни появилась. Включая мое сердце.

К счастью, образ Уиннифред в виде примерной соседки не привлекал меня.

– Привет! – Уинни раскинула руки и неуместно полуобняла меня. Либо она не знала, как обижаться, либо не узнавала во мне мужчину с балкона.

Я сразу же отстранился от нее. Надеюсь, у нее не было передаваемой болезни крупного рогатого скота.

– Где ваши места, Лэнгстон-Корбины? – Пол посмеялся, похоже, находя очаровательным незнание этикета своей женой.

– Здесь сказано, что пятнадцатое и шестнадцатое. – Грейс держала наши пригласительные.

– У нас девятнадцатое и двадцатое, похоже, вам придется потерпеть нас еще немного, – бодро проговорил Пол.

Ура, черт подери.

По мере того как продолжался вечер, росло и мое подозрение, что Уиннифред, на самом деле, беременна. Она не прикасалась к алкоголю, предпочитая весь вечер пить минеральную воду. Ей не нравилось мясное ассорти, и она держалась подальше от тех, кто курил сигары или вейп. Ее постоянные походы в туалет тоже заставляли меня задуматься, не спал ли сладко у нее кое-кто прямо на мочевом пузыре.

Грейс была занята бредовыми разговорами с нужными людьми, подлизываясь к ним. Образно говоря, к счастью. Она обсуждала работу с Чипом, Полом и парнем по имени

Пабло, который был главным трейдером. Трое мужчин пытались подключить меня к их обсуждениям, но я вежливо уклонялся. Как и всем экзотическим существам, мне не хотелось, чтобы в меня тыкали через решетку, пытаюсь разузнать о моих обвинениях в инсайдерской торговле. И у меня не было сомнений, что все здесь хотели бы узнать, что я такого сделал, раз получил запрет.

– Не из хвастливых, а, Корбин? – Пол понимающе кивнул после моего очередного уклончивого ответа на тему того, какие розничные акции я предпочитал. – Уинни такая же. Она вообще не рассказывает о своей работе.

– Это потому, что сейчас у меня ее нет. – Уинни сделала глоток минеральной воды, ее щеки порозовели.

– Чем вы занимаетесь, Уиннифред? – Я повернулся к ней лицом. Во мне вдруг вспыхнул интерес. Она занималась чем-то большим, чем ролью домохозяйки? Это что-то новенькое.

– Окончила Джульярд в этом году. А сейчас я просто... между прослушиваниями, если можно так сказать? – Она выпустила смущенный смешок, ее южный акцент звучал довольно комично. – Не могу сказать, что я занята больше, чем белка в колесе. Сложно пробиться в Большом яблоке. Что тебя не убивает, делает сильнее, так?

– Или ослабляет тебя. – Я пожал плечами. – Зависит от фактора, что именно за этим скрывается на самом деле.

– В этом есть смысл. – Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, маленькая простушка.

– Думаете, у вас есть все, чтобы добиться успеха в Нью-Йорке? – спросил я.

– Разве была бы я тогда здесь? – И снова эта улыбка. Пропитанная надеждой и добротой всего мира.

– Люди приезжают в Нью-Йорк по разным причинам. И многие из них не такие правильные. Как вы познакомились с Полом? – С каждым новым вопросом я словно раздевал ее. Публично. Специально. И, как и все голые люди на глазах общества, она начала испытывать неловкость и ерзать на стуле.

– Что ж... – Она прочистила горло. – Я...

– Ждала его у столиков ресторана Delmonico? – наугад спросил я. Мог быть и ресторан Le Bernardin. Она выглядела на твердую восьмерку. Может, даже на девятку в правильном платье.

– Вообще-то я была феей на четвертом дне рождения его племянницы. – Она поджала губы, сложив их в тонкую линию, и нахмурилась.

– Кем? – Я бы выплюнул свое вино, если бы она стояла этого. – Прошу прощения, я не расслышал.

Конечно, я все слышал, но мне хотелось услышать это снова. Нестареющее американское развлечение. Учебная версия, как бедная девушка встречает богатого идиота.

Пол был слишком занят разговорами с Пабло и Грейс, чтобы заметить, как я словесно поджаривал его жену, будто она качественный стейк.

– Я была сказочным персонажем на дне рождения его племянницы. Я разукрасила его лицо блестящими красками. Он не мог перестать смеяться и был согласен, даже когда я нарисовала Динь-Динь на его щеке. Я поняла, что он будет хорошим отцом. Поэтому дала ему свой номер телефона. – Уиннифред выпрямила спину и посмотрела мне в глаза, показывая, что не боялась меня.

Готов поспорить, что факт его появления на винтажной машине, которая была дороже дома ее родителей, также прибавил ему шансов.

– Никто бы не удержался после этого. – Пол оторвался от разговоров с Пабло и Грейс, уткнувшись носом в изгиб шеи жены, целуя его открытым ртом. – Она теперь моя на всю жизнь, да, куколка?

Стопроцентно он думал, что это звучало романтично, а не как в рекламах, где обычно были имена женщин и мужчины выбирали себе будущих жен.

– Мне кажется, я слышу звенящий голос, Уиннифред? – невинно спросил я.

Грейс кинула на меня взгляд, который так и говорил: «Прекрати сейчас же». У меня всегда была привычка играть со своими жертвами, вот только сейчас ею оказалась жена ее босса без мозгов.

– Я из Теннесси. – Уинни снова заметно сглотнула. – Недалеко от Нэшвилла. Город под названием Малбери-Крик.

– Родина лучшего яблочного пирога во всех пятидесяти штатах? – Я ухмыльнулся, держа бокал у губ.

– Вообще-то мы больше известны своим печеньем. Ох! И еще врожденными склонностями характера, конечно. – Она одарила меня слащавой улыбкой.

Так она умеет давать сдачи. Не ожидал подобного.

– Да брось, куколка. Не нужно быть саркастичной. – Пол щелкнул ее по подбородку.

Если он еще раз назовет ее куколкой, я сломаю свой бокал и ударю его в шею осколком.

– Почему вы переехали в Нью-Йорк? – снова спросил я. Не нужно даже пытаться спрашивать меня, почему я продолжал докапываться до этой женщины. Я сам не знал, какого черта. Скука? Социопатические наклонности? Любая догадка подходила.

– Из-за больших и ярких огней, конечно же. Из-за «Секса в большом городе»³ тоже. Я думала, о божечки, жить здесь наверняка прямо как во всех роскошных фильмах. А еще не забудьте песни Алисии Киз. Просто огромная причина. Огромная.

Грейс наступила мне на ногу под столом, достаточно сильно, чтобы сломать кость. Ее коленка ударилась о край стола, заставляя все затанцевать на столе. Пол немного дернулся назад, удивленный. Слишком поздно. Я уже достаточно завелся, чтобы мне было все равно. Уиннифред Эшкрофт бы-

³ Популярный американский сериал о жизни компании подруг в Нью-Йорке.

ла единственной, что хоть немного развлекало меня на этом вечере. И пировать на ее самооценке было вкуснее любого десерта, который подавали сегодня.

– Уинни немного задевает то, что она не из города. – Пол погладил голову своей жены так, словно она очаровательная чихуахуа.

– Это и правда, как в «Сексе в большом городе», да? – продолжил я, мило спрашивая, пока каблук Грейс сильнее вжимался в мои лоферы, предупреждая и превращая мои ноги в пыль. – Вы нашли своего мистера Бига.

– Пол больше похож на мистера Медиум, если посмотреть на писсуар, – пошутил Чип. Все засмеялись. Все, кроме Уинни, которая смотрела на меня, гадая, что она сделала, чтобы заслужить это.

Ты просила меня о сочувствии. Тогда на балконе. Теперь ты увидишь, насколько мне безразличны чувства людей.

– Ладно, Арсен, время поменять тему. – Грейс извиняюще улыбнулась, дергая меня за рукав. – Люди здесь ради веселья, а не допросов.

Я знал, что Грейс делала это не из добрых побуждений. Она была сообразительной женщиной, которая хотела продвижения по карьерной лестнице. Прямо сейчас я злил ее босса и его куколку.

– На самом деле, мне кажется, настала моя очередь задавать вопросы. – Уинни вздернула подбородок.

Я откинулся на стуле, наблюдая за ней с неприкрытым

удовольствием. Она была, как та перевернутая на спину божья коровка, которая крутилась вокруг своей оси. Очаровательно отчаянная. Очень жаль, что я сходил с ума по Грейс, иначе я бы не отказался от нее на несколько месяцев. Пол даже не был бы помехой для меня. Такие женщины обычно ищут большую рыбу, а у меня кошелек побольше.

– Вперед, – сказал я.

– Чем вы занимаетесь? – спросила она.

– Мастер на все руки.

– Делая что?

– Все, что приносит деньги, – протянул я, пожав плечами.

– Уверена, вы можете сказать конкретней. Так это может означать торговлю оружием. – Она сложила руки на груди.

Ладно. Давай сыграем.

– Акции, корпорации, валюты, товары. Хотя не так давно я попал под запрет на инсайдерскую торговлю. На два года.

Все смотрели на нас. Я еще не поднимал эту тему на вечере, унаследовав от своего отца черту не давать людям то, чего они хотели.

– Почему? – требовательно спросила она.

– Обвинения в манипулировании рынком, – ответил я, и, прежде чем она спросила, что это означало, продолжил: – Утверждают, что, помимо других проступков, я искажил материалы для инвесторов.

– Вы сделали это? – Уиннифред выдержала мой взгляд, выглядев такой по-детски наивной.

– У меня есть только одна проблема, Уиннифред. – На глазах у всех в зале я провел языком по нижней губе, ухмыльнувшись.

– Только одна? – Она невинно моргнула, прежде чем смягчиться. – И в чем же ваша проблема?

– Я никогда не играю, чтобы проиграть.

Ее глаза, такие же красивые, как цветы люпин в Техасе, все еще смотрели на меня. Недобрая мысль промелькнула у меня в голове. Наверно, она выглядела бы в десять раз лучше в аквамариновых серьгах Грейс. Если бы я увидел ее в одних только аквамаринах, это бы доставило мне огромное удовольствие. Ну что ж. Возможно, Грейс скоро начнет плохо себя вести и бросит меня. Тогда я заведу быструю интрижку с этой малышкой, чтобы напомнить своей сводной сестре, что я все еще мужчина с желаниями.

– И люди здесь принимают вас? – Уиннифред оглянулась вокруг, удивленная. – Даже зная, что вы сделали что-то плохое и подорвали их торговлю?

– Собаки лают, а караван идет все дальше, – сразу же ответил я. – Даже люди, которые беспокоятся, перестанут, как только чувства перейдут в действия. Люди, как известно, эгоистичные существа, Уиннифред. Вот почему афганцы были предоставлены сами себе. Почему в Йемене, Сирии, Судане гуманитарный кризис, а вы об этом даже не знаете? Потому что люди забывают. Они позлятся и пойдут дальше.

– Меня беспокоят. – Она скалила зубы, словно раненое

животное. – Меня беспокоят все эти вещи. И если только вам все равно, это не значит, что все вокруг такие же плохие. Вы опасный человек.

– Опасный! – Грейс взвизгнула, едва сдерживая смех. – О нет. Он просто котенок. Мы все в семье безобидные вычислительные машины. Что не так волнительно, как шоу-бизнес, я понимаю. Знаете, мой отец владелец театра. Я всегда ходила туда, когда была ребенком. Думаю, что он совершенно очаровательный. – Она отмахнулась на словах о семье, продолжая болтать.

Хотя Дуглас правда владелец театра, Грейс просто притворялась, что любила его, когда росла, чтобы заслужить одобрение отца. Театр не приносил много денег. Грейслин любила только то, что приносило деньги.

Отвлекающий маневр прошел на славу. Уиннифред перевела свое внимание на Грейс и спрашивала ее о «Калипсо Холле». Грейс же отвечала с энтузиазмом.

Зазвонил мой телефон. Я вытащил его из кармана. В коде города было написано «Скарсдейл», но я не узнавал номера. Я нажал на «отклонить». Чип попытался спросить меня что-то о фонде Nordic Equities.

Мой телефон снова зазвонил. Тот же номер. Я нажал «отклонить».

Пойми намек.

Проклятые мошенники и их способность использовать номера в вашей зоне города.

Следующий телефонный звонок уже с другим номером, из Нью-Йорка. Я хотел снова отклонить звонок, когда рука Грейс легла на мое бедро.

– Возможно, это ювелир. Об ожерелье, которое ты купил мне в Ботсване. Ответь, – сказала она сквозь зубы, слушая, как Уиннифред восторгалась Гамильтоном.

Телефон зазвонил четвертый раз. Вставая, я извинился и вышел из ресторана на балкон с видом на порт. Принял звонок.

– Что? – выплюнул я.

– Арсен? – послышался старый мужской и смутно знакомый голос.

– К сожалению. Кто это?

– Это Бернад, помощник твоего отца.

Я посмотрел на время у себя на часах. Сейчас было четыре часа дня в Нью-Йорке. Что хотел от меня отец? Мы почти не разговаривали. Я ездил в Скарсдейл несколько раз в год, чтобы показаться и обсудить семейный бизнес, такая у него была идея сближения. Но в остальном мы были чужими. Не то чтобы я ненавидел его, просто не любил. Чувство или его отсутствие было взаимным, я уверен.

– Да, Бернад? – нетерпеливо спросил я, упираясь локтями в перила.

– Не знаю, как это сказать... – Он замолчал.

– Быстро и без лишних слов было бы идеально, – предложил я. – В чем дело? Неужели старик снова женится?

С тех пор как он развелся с Мирандой, мой отец взял за правило заводить женщин только на два года. Он больше не давал никаких обещаний. Никогда не останавливался. Интрижка с женщиной по фамилии Лэнгстон самое быстрое лекарство от веры в любовь.

– Арсен... – Бернард сглотнул. – Твой отец... Он умер.

Мир продолжал вращаться. Люди вокруг меня смеялись, курили, пили, наслаждались идеальной мягкой летней итальянской ночью. Самолет пролетел в небе, пронзая белое облако. Человечеству было совершенно все равно, что Дуглас Корбин, пятый в списке самых богатых людей США, скончался. А почему должно быть иначе? Смерть – оскорбление для богатых. Большинство принимали это с печальной покорностью.

– Умер, значит? – не сознавая этого, произнес я.

– У него случился инсульт этим утром. Экономка нашла его без сознания где-то в половине одиннадцатого после того как несколько раз постучала ему в дверь. Знаю, что это нужно переварить. Возможно, мне стоило подождать, пока ты вернешься...

– Все в порядке, – прервал я его, проведя рукой по лицу. Я пытался понять, что чувствовал сейчас. Но правда была в том... Я ничего не чувствовал. Просто какая-то странность, да. Такое же ощущение, когда что-то, к чему вы привыкли, пропало, например, диван, без которого стало пусто в квартире. Но ничего, что значило бы, что я потерял единствен-

ного живого родственника, который у меня был в этом мире.

– Мне нужно вернуться, – услышал я себя. – Урезать поездку.

– Было бы идеально, – выдохнул Бернад. – Я знаю, это очень неожиданно. Повторюсь, мне жаль.

Я поставил его на громкую связь, чтобы убрать телефон от уха, и просматривал ближайшие рейсы. Есть один через два часа. Я все еще мог успеть.

– Я сброшу тебе детали рейса. Отправь кого-нибудь забрать нас.

– Конечно, – ответил он. – С тобой будет мисс Лэнгстон?

– Да, – проговорил я. – Она захочет присутствовать.

Она была близка с отцом, маленькая подлиза. Навещала его каждые выходные. Тот факт, что Бернад знал, что она была со мной, говорил мне все необходимое. Отец прекрасно знал, что я спал со своей сводной сестрой, и сплетничал об этом с помощником. Забавно, что он никогда не упоминал этого при мне. С другой стороны, Лэнгстоны стали для нас большой темой после того, как он выгнал меня и отправил в школу-интернат.

Я сделал быструю остановку в туалете, прежде чем вернуться в ресторан. Расстегнул ширинку, так же быстро застегнул после. Когда я вышел из кабины, то услышал слабый голос со стороны одной из дверей. Пробирающий до костей дикий плач. Как будто там был кто-то ранен.

Не твоя проблема, напомнил я себе.

Я закатал рукава, чтобы помыть руки; тем временем вой становился громче и истеричнее.

Теперь я просто не мог уйти. Что если кто-то родил ребенка и оставил его тонуть в туалете? Хотя никто не мог обвинить меня в наличии совести, утопление новорожденных я не мог проигнорировать.

Я выключил кран и подошел обратно к кабине.

– Здравствуйте. – Я прислонился плечом к двери. – Кто там?

Плач, переходящий в мелкую икоту, не утихал, но ответа тоже не было.

– Эй, – я попытался уже мягче. – Ты там в порядке? Может, мне позвонить кому-нибудь?

Может, в полицию? Или кому-то, кому было правда не все равно?

Никакого ответа.

У меня кончалось терпение, мои нервы и так были на пределе. Все мое тело до сих пор пыталось совладать с новостями об отце.

– Слушай, либо отвечаешь, либо я выбью дверь.

Плач усиливался. Неконтролируемый. Я сделал шаг назад для размаха, после чего пинком открыл дверь. Она слетела с петель, врезаясь в большую стену кабинки, словно пострадавший в кровавом боевике.

Но я вижу не ребенка или раненое животное.

Только одну Уиннифред Эшкрофт, которая свернулась

калачиком над бачком унитаза в красном платье, с размазанным по всему лицу макияжем, и пила вино прямо из бутылки. Ее волосы были в беспорядке, и она тряслась как осиновый лист.

Разве она не беременна?

Бедный жалкий Пол. Он не может даже толковую жену себе завести.

Слезы текли по ее щекам. Она выпила достаточно из этой бутылки. Вино наполовину закончилось. Мы оба молча смотрели друг на друга, застряв в каком-то проклятом состязании. Только теперь совершенно ясно, что она не ожидала от меня вопроса, что случилось.

– У тебя проблемы? – сказал я, спрашивая по большей части из-за моей гражданской ответственности. – Он обижает тебя? Делает больно?

– Ты никогда не будешь и наполовину таким мужчиной, как он! – Она покачала головой.

Ну да, в этом же моя цель жизни.

Я оглянулся вокруг, ожидая, когда она встанет и освободит туалет. Она самое причудливое создание, которое я встречал.

– Мой муж потрясающий, – подчеркнула она, начиная злиться, будто я был тем, кто плакал с бутылкой алкоголя в руках на колонии микробов.

– Твой муж ничем не примечательный, как моя самая нелюбимая пара носков, но это не тот разговор, который я

хотел бы сейчас продолжать, – возразил я. – Теперь, если я ничего не могу сделать...

– Да, не можешь. Даже если бы мне нужна была помощь, я бы не попросила тебя! У тебя самомнение выше фонарного столба. – Она вытерла нос тыльной стороной руки, всхлипывая. – Отстань.

– Вот это да, Уиннифред, а я думал, что все южные красавицы милые и податливые.

– Уйди уже наконец! – Она резко встала на ноги и хлопнула дверью перед моим лицом. Ну, или тем, что осталось от двери, без разницы.

Секунду я размышлял над тем, чтобы дать ей свой номер. Вдруг Пол правда обижал ее. Но потом я вспомнил, что у меня у самого было проблем по горло, включая смерть Дуга, требовательное поведение Грейс, мою карьеру и еще много чего.

Я повернулся и ушел.

Сказать Грейслин Лэнгстон, что обожаемый приемный папочка наконец отбросил копыта.

Глава 3. Арсен

Тогда

Как и все истории с поучительной моралью, моя началась в большом, размашистом особняке. В нем были витражи, стрельчатые арки, ребристые своды и наружные каменные полуарки.

Расписные фрески, шахматные фигуры из мрамора ручной работы и величественные изогнутые лестницы.

Со злобной мачехой и раздражительной сводной сестрой.

Ночь, изменившая все, начиналась нормально, как и все несчастья.

Отец с Мирандой уехали в город, чтобы посмотреть премьеру пьесы Чехова «Чайка» в театре «Калипсо Холл», и оставили нас дома. Они часто так делали. Миранда наслаждалась искусством, а отец наслаждался Мирандой. Однако никто не радовался нам, так что нам самим приходилось развлекать друг друга.

Моя сводная сестра Грейслин и я сплюснули картонную коробку, которую выкрали с кухни, и по очереди садились на нее, скатываясь вниз по лестнице. Мы сталкивались с домработницами, пока они бегали из одной комнаты в другую, нося пушистые теплые полотенца, вещи для ужина и костюмы из химчистки. Они бы раздавили нас, словно букашек,

если бы могли. Но они не могли. Мы были Корбинами. У нас имелось право, привилегии и могущество. Избранные Скардейла. Нам было суждено раздавить, а не быть раздавленными.

Мы скатывались и скатывались вниз по лестницам, пока наши задницы в дизайнерской одежде не становились красными. Мой позвоночник становился похож на желе от всех столкновений со ступеньками. Ни у одного из нас не было и мысли остановиться. В замке было не так много развлечений. Видеоигры запрещали («Они делают ум ленивым», – говорил отец), игрушки создавали беспорядок («И вы все равно уже выросли», – фыркала Миранда), и у нас закончились домашние задания.

– Уф, – шуточный звук вырвался у Грейслин. Она была наполовину в воздухе, скользя вниз по лестнице, как раз в момент, когда парадная дверь распахнулась. Она скатилась прямо на моего отца. Ее лицо остановилось напротив его обуви.

– Что за... Арсен! – Мой отец с грохотом бросился к подножию лестницы, обходя ее. Полосы от ногтей украшали его щеки. – Что за беспорядок?

– Мы просто...

– Решили разбиться? Ты думаешь, у меня есть время, чтобы ехать в отделение неотложной помощи с вами? – выплюнул он. – Иди в свою комнату. Немедленно.

– Грейслин. – Моя мачеха вошла следом, закрывая за со-

бой дверь. Мне не нужно было видеть ее ногти, чтобы знать, что под ними была кровь моего отца. Когда они ругались, она всегда делала это. Причиняла ему боль. – Иди, позанимайся балетом, дорогая. Нам с папочкой нужно обсудить взрослые вещи.

Папочка.

Он не был ее папочкой.

Черт, он не был даже моим папочкой.

Дуглас Корбин не создан для отцовства.

Все же довольно странным было то, что он не ненавидел Грейслин, ребенка другого мужчины, с такой же силой, как меня.

– Прости, мам.

– Все в порядке, милая.

Грейслин поднялась и отряхнула коленки. Она поднялась по лестнице, засунув мятую картонку под мышку. Мы побрели по темному коридору. Мы знали последствия. Никому из нас не хотелось стать зрителями в первом ряду, когда отец и Миранда спорили.

Все, чем занимались отец с Мирандой, это ссорились и мирились. Они не хотели, чтобы мы присутствовали при любой из этих сцен. Так у нас появились игры с катанием по лестницам и хождением по краю. Из-за скуки, потому что нам всегда было очень одиноко.

– Думаешь, они накажут нас? – теперь спросила она меня.

– Мне все равно. – Я пожал плечами.

– Да... Мне тоже. – Грейслин толкнула меня своим костлявым локтем в ребра. – Догонялки до моей комнаты?

– Я догоню тебя на крыше. – Покачал я головой.

Она быстро прошла по золотому мрамору, исчезая в своей комнате.

Каждый раз, когда они отправляли нас в наши комнаты, мы поднимались по пожарной лестнице, чтобы посидеть на крыше. Это был способ скоротать время, а еще мы могли говорить что угодно без лишних ушей работников, которые могли все подслушать и потом донести.

Я зашел в комнату Грейслин, она выглядела так, словно дизайнером была сама Барби. У нее была двуспальная кровать с розовым балдахином из тюля, белый резной камин и мягкие кресла. Ее балетные принадлежности разбросаны повсюду.

Грейслин любила балет. Я не знал причины. Вот только балет явно не любил ее в ответ. Из нее получалась паршивая балерина. Не потому, что она не была красивой, а как раз потому, что у нее была только красота. Она почти не могла двигать ногами, и, как бы иронично это ни было, ей не хватало грации.

Окно открыто. Из-за ветра занавески танцевали. Даже они танцевали лучше, чем Грейслин.

Я зашнуровал кроссовки, прежде чем высунуться в окно. Я вылез на мокрую от дождя железную лестницу. Грейслин я увидел, когда она прислонилась к одной из труб, скрестив

лодыжки и выдыхая пар, как дракон.

– Готов пройтись по краю? – ухмыльнулась она.

Край крыши был узким, из-за чего нам приходилось ходить по нему по одному шажочку. Для нашей игры мы ходили по краю, от одного дымохода к другому, так быстро, как только могли. У нас у каждого одна попытка. Мы засекали время друг друга и иногда, точнее, большую часть времени, я подозревал, что она жульничала, поэтому я никогда, совсем никогда, не позволял ей победить.

– Ты засекаешь время или как? – Грейслин склонила подбородок в мою сторону.

– Готова снова остаться в дураках, сестренка? – Я кивнул, достав из кармана секундомер.

У Грейслин была проблема. Ее проблемой стал я. Я был умнее ее, получал высокие оценки на контрольных даже без подготовки. Спортивнее ее, она была посредственной танцовщицей, а я был вторым лучшим игроком в теннис своей возрастной группы во всем штате.

Естественно, я был быстрее, чем она. Я всегда побеждал. Мне никогда не приходило в голову дать ей почувствовать маленькую победу. Она была надоедливым, избалованным ребенком.

Как и я, но нужно признать, что я лучше справлялся с моими недостатками.

– Я не проиграю тебе. Тебе... Тебе... У кого воняет изо рта! – выдавила она, а ее лицо порозовело. Я рассмеялся.

– Твое время пошло, вонючка, – сказал я, подняв таймер в воздух.

– Знаешь, я правда начинаю уставать от этого. – Она сжала свои волосы, черные, словно оникс, как и ее глаза, завязывая тугой и на вид болезненный пучок. – Делать вид, что я невидимка для них. Все родители моих друзей...

– Миранда и отец не родители, – прервал ее я, хмурясь, пока над нашими головами собирались серые тучи, прям как школьные хулиганы. Скоро пойдет дождь. – Они просто люди с детьми. В этом есть разница.

– Но это нечестно! – Грейс запнулась. – Мама всегда наказывает меня, когда твой папа раздражает ее.

Сейчас был подходящий момент, чтобы напомнить, что я был личной боксерской грушей ее матери. Любимым занятием Миранды было жаловаться моему отцу, каким неудачником я был.

«Он не смеется. Не плачет. Не интересуется ничем, кроме астрономии и математики, что, прости меня, Дуг, просто ненормально для десятилетнего ребенка. Может, с ним что-то не так. Мы бы сделали ему только одолжение, если проверили его на тестах. О, еще он не зевает, когда другие зевают! Ты замечал? Это показывает недостаток эмпатии. Он может быть социопатом. Социопат! Под крышей нашего дома!» – так она обычно говорила.

Я не мог рисковать тем, чтобы Грейслин побежала к своей маме и рассказала, как мне было плевать, поэтому я прику-

сил язык.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Например, я давно хотела эту пачку, как у Люсинды, ей купили родители в Москве. Она сделана на заказ. На прошлой неделе мама сказала, что она подумает о заказе. Но сегодня, прежде чем пойти с твоим папой в театр, она вдруг передумала и огрызнулась, что это слишком дорого. Что я вырасту из нее очень быстро. И все потому, что он разозлил ее!

– И ты волнуешься из-за дурацкого платья, потому что...

– Это не платье, Арс! Это пачка!

– Как скажешь.

– Я так и говорю! Я буду говорить об этом весь день!

– Ты не хочешь пачку Люсинды. Ты хочешь ее талант. А это нельзя купить в России или где-то еще, – проговорил я на языке фактов.

Люсинда и Грейслин были младше меня на год и в другом классе. Люсинда была девочкой, которой хотели быть все. Прекрасная и милая и по этим причинам вызывающая ненависть у Грейс и ее маленьких клонов.

– Не могу поверить, что ты только что сказал это. – Она сжала руку в кулак и помахала мне. – Мама права насчет тебя, знаешь.

– Твоя мама не права насчет всего. А теперь начинай уже. Я не хочу торчать тут весь день! – рявкнул я, включая таймер. – Включил.

– Уф! – чуть ли не прырчала она. – Я тебя ненавижу.

Я начал считать вслух, зная, что она начнет нервничать.

– Аргх. Я тебе покажу! В этот раз я смогу победить!

Она подняла руки вверх и быстро побежала по крыше.

Слишком быстро. Грейслин практически парила по краю, рассекая воздух, как хищная птица. Она то появлялась, то исчезала в тумане, как самолет. Качалась из одной стороны в другую. Она была почти у дымохода, но какого черта? Она могла упасть в любой момент.

– Господи, – прошипел я. – Помедленнее. Что ты делаешь...

Прежде чем я закончил предложение, ее правая нога попала в игольчатую поверхность. Она поскользнулась, качнувшись влево, чтобы восстановить равновесие. Ее правая нога резко подвернулась. Она выпустила удивленный вздох, выбросив руки вперед, чтобы схватиться за дымоход. Она упала где-то на дюйм ниже.

Грейслин с диким воплем покатила по краю крыши, исчезая из виду. Черт! Мои легкие сжались, отказываясь от кислорода. Первой мыслью было: «Чем она думала?», – после чего почти сразу: «Отец прибудет меня».

Я ждал удара. Может, я действительно был социопатом, как говорила Миранда. Кто будет ждать, как тело сводной сестры упадет на землю с тридцати футов?

– Грейс? – Мой голос было почти не слышно из-за дождя, капли которого начали капать на крышу. – Проклятье, Грей-

слин!

– Я здесь, – она задыхалась.

Меня накрыло облегчение. Она не умерла. Я присел, чтобы сесть на край, и медленно сполз вниз по крыше, пока не оказался рядом с выемкой.

Ее пальцы сжались вокруг водосточной трубы. Ее тело болталось в воздухе.

Лучше позвать отца и Миранду? Или попробовать самому вытащить ее?

Проклятье, у меня не было никаких идей. Я никогда не думал, что кто-то из нас будет настолько глупым, чтобы всерьез побежать по краю крыши, как безумец.

– Помоги мне, – умоляла Грейслин, слезы и дождевые капли текли по ее лицу. – Пожалуйста!

Я схватил ее за запястье и откинулся назад, начиная тянуть. Капли дождя мешали мне. Ее кожа была холодной, влажной и скользкой. Ее запястья такие тонкие, что я боялся их сломать. Ее пальцы вцепились в мою кожу, хватаясь, пока она пыталась забраться по мне, как по человеческой лестнице. Она пустила кровь, сделала точно так же, как ее мать сегодня вечером с моим отцом.

Я решил, что не собираюсь повторять судьбу Дугласа Корбина. Я больше никогда не собирался истекать кровью ради женщин Лэнгстон.

– Тяни сильнее! – пожаловалась она. – Я соскальзываю! Ты видишь?

Подошва моих ботинок горела, пока я пытался вытащить ее. Все шансы были против меня. Физика тоже. Мне пришлось карабкаться вверх по мокрой гальке, пытаюсь вытащить кого-то моего же веса.

– Тебе нужно держаться за канаву. Мне нужно позвать отца.

– Я не могу!

– Мы оба упадем.

– Не бросай меня!

Она думала, я хотел ее убить или что? Я сам был в шаге от того, чтобы опрокинуться.

– Слушай, я могу подержать тебя еще пару секунд и дать твоим рукам отдохнуть, но потом тебе нужно взяться за водосток на минутку или две, пока они не придут.

– Нет! Не оставляй меня! Я не хочу умирать, – она немного выскользнула из моей хватки.

– Не смотри вниз! – рявкнул я, падая на колени, потянув изо всех сил, которые у меня были. Создалось впечатление, что сейчас все мои конечности оторвутся от тела. Но она была слишком тяжелой, слишком мокрой. – Просто... Просто смотри на меня.

Ее давящая, невыносимая тяга вдруг исчезла. Мое тело отскочило назад. Я ударился затылком о черепицу. Отдаленно я слышал всплеск.

Она упала.

Упала.

В безумии я пополз по водосточной трубе, щурясь и пытаясь разглядеть через дождь, грязь и густые кусты. Грейс упала на навес над пустым бассейном. Он сильно прогнулся, а вокруг нее была вода.

Грейслин не двигалась. Ее ноги были в странном положении, и я сразу понял, до того как она начала кричать, что для нее все кончено.

Никаких больше дорогих костюмов с пачками, русских пачек или танцевальных лагерей в Цюрихе.

Балетная карьера моей сводной сестры закончилась.

Как и моя жизнь, какой я ее знал.

* * *

Снимки рентгена пришли через несколько минут после того как мы с отцом приехали в больницу.

Он не смотрел на меня, ни разу не взглянул, пока мы ехали сюда. Я выложил ему все, что случилось, кроме той части, где сам подстрекал ее. Не хотелось совсем пасть в его глазах. Кроме того, она же выжила, не так ли?

– С ней все будет в порядке, да? Правда? – Я шел за ним по коридору из линолеума в ее палату. Во мне было столько адреналина, что я даже не чувствовал своих ног.

– Лучше бы с ней было все в порядке, для тебя же, – прорычал он, смотря вперед. – В любом случае, что вы вдвоем делали там?

– Играли.

– Ты играешь с большим риском. Типичный Корбин, – он фыркнул.

При чем здесь риск? Я все равно всегда предпочитал сначала думать, а потом делать.

– Это хорошо или плохо? – спросил я.

– Если говорить просто, это неизлечимое состояние, развивающееся из-за слишком большого денежного состояния, огромного эго и свободного времени. – Он стянул свои кожаные перчатки. – Мы, Корбины, обычно бунтуем не просто так. Надеюсь, ты делал это не из-за желания убить сестру. Возьми себя в руки, дитя.

Это был самый долгий разговор, который у нас был за месяцы, может, даже за годы, поэтому я ухватился за его слова. Не то чтобы он постоянно игнорировал меня. Отец прекрасно следил, чтобы у меня были отличные оценки, я посещал все дополнительные занятия и все в этом роде. Он просто никогда особо не обсуждал это.

Вердикт пришел вместе со снимками рентгена. У Грейслин были сломаны две ноги и небольшой вывих позвоночника, что требовало хирургического вмешательства.

У нее также был диагноз – кусок дерьма.

Последнее не было медицинским постановлением, но все же правдой.

– Это он. Он сделал это со мной. Он толкнул меня, мамочка. – Как только подействовало обезболивающее, а ее ноги

забинтовали, она, обвиняя, указала на меня пальцем, прищуривая свои темные глаза.

Впервые я искренне не знал, что сказать. Толкнул ее? Я пытался спасти ее, и она прекрасно это знала.

– Чушь! Ты побежала по краю и упала! – взволнованно сказал я. – Я пытался вытащить тебя. Ты почти оторвала мне руки. Вот, я могу доказать.

Я закатал рукава, поворачиваясь к отцу и Миранде и показывая следы, которые остались от Грейслин на моей коже. Они были красными, глубокими и воспаленными, уже начиная превращаться в шрамы.

– Ты пытался меня толкнуть, поэтому я защищалась. Ты хотел избавиться от меня. Ты сам так сказал. Тебе надоело делить внимание мамы и папы.

Это было именно тем, что сделала бы она. Я ненавидел, когда отец или Миранда обращали на меня внимание. Оно всегда было негативным или доставляло мне проблемы.

– Почему ты врешь? – Я не мог закрыть рот от удивления.

– Почему ты врешь? – она оскалилась. – Ты пойман. Просто признайся! Ты мог убить меня!

– О, моя маленькая голубка. Что этот монстр сделал с тобой? – Миранда уткнулась лицом в шею дочери, обнимая ее. Выглядело, будто она плакала, но я сомневался, что женщина была способна на это.

Я оглянулся вокруг комнаты, ожидая... Что именно я ждал? Что кто-то зайдет в комнату и спасет меня? В мире

не существовало человека, который мог бы защитить меня. Я всегда знал это, но вдруг давящее ощущение моего одиночества образовалось у меня в груди, из-за чего стало трудно дышать.

– Вранье – выход для трусов, сын. – Пальцы отца крепко сжались на моем плече, как бы предупреждая меня не продолжать спор. – Признайся и прими последствия, как мужчина.

Он не верил мне.

Он никогда не поверил бы мне.

Ему только нужно, чтобы проблема замялась для него и Миранды, тогда не будет больше криков, ругани и пощечин.

Грейслин, несмотря на то что у нее не получилось все, что получалось отлично у меня, все равно была их любимым ребенком. Нормальным ребенком. Тот, который смеялся, плакал и зевал, когда другие зевали.

Болезненное осознание, что я вправду был одинок в этом мире, буквально ударило по мне.

– Конечно. Я толкнул ее. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что недостаточно сильно. В следующий раз получится лучше, видимо, – проговорил я, убийственным взглядом смотря на Грейслин сверху вниз, стиснув зубы.

А потом к Грейслин пришло понимание. Что все это было правдой. А не частью наших глупых выдуманных игр. Я мог видеть это в ее глазах. Вспышка сожаления, за которой последовал выброс адреналина. Осознание, что, что бы она

ни делала сейчас, это работало, по крайней мере, в данный момент. Она наконец выиграла в чем-то против меня.

Но я никогда не позволил бы ей победить. До последнего вздоха.

Я развернулся и выскочил из больничной палаты, оставляя слабые остатки того, что по идее должно было быть моей семьей.

* * *

Позже этой же ночью, когда Миранда вернулась из больницы без Грейслин, отец и я ждали в столовой, в тишине смотря на наши руки.

– Дуг, на пару слов, – кратко сказала Миранда, подзывая моего отца наверх. Они закрыли за собой двери. Я же прижался к ним ухом, во рту у меня пересохло. – Слишком много, слишком долго. Это чистое пренебрежение. Я не могу со спокойной душой допустить, чтобы моя дочь стала добычей в руках твоего неуправляемого сына. С меня достаточно, Дуг.

Я знал, что на самом деле бесило Миранду во мне, и проблема была совсем не в данной ситуации с Грейслин.

Я выглядел точь-в-точь как моя мать, ушедшая из жизни Патрис Шаламе.

Я был постоянным напоминанием, что она была жива. Что когда-то она украдала Дугласа Корбина у нее. Что если бы не

Патрис, то меня бы не было.

Грейслин тоже не было бы.

Это была противоречивая утопия для отца и Миранды. Версия реальности, которую они почти смогли достичь. И был я, кто портил все.

Слуги постоянно говорили об этом. Они шептались, пока взбивали подушки, готовили полезную еду, возили нас с Грейслин на занятия по теннису и балету.

Как гласила история, Миранда и отец встречались на протяжении всего колледжа. Она знала о его неучтивости, что бы это ни значило, и не выпускала его из виду. Когда отца пригласили на свадьбу друга в Париже одиннадцать лет назад, то Миранда хотела поехать с ним. Но это было частное мероприятие, состоящее из пятидесяти человек, без всяких плюс один.

Там он встретил Патрис. Очаровательную девушку из Ренне, мечтающую стать актрисой, подружку невесты. У них завязалась интрижка (снова без понятия, что это значило), после чего отец вернулся в Америку.

Дугу и в голову не приходило, что через пару месяцев Патрис постучит ему в дверь с положительным тестом на беременность, точным, словно белое полотно. По легенде, ее вырвало прямо на его туфли, прежде чем он успел спросить, что она делала здесь. И Миранда тоже была в его квартире, в совсем неприличном состоянии, как ехидно заметила домработница.

Отец моего отца, то есть мой дедушка, заставил его поступить правильно. Так что отец женился на Патрис, на совершенной незнакомке.

Слуги всегда говорили, что моему дедушке никогда не нравилась Миранда.

Слишком требовательная. Слишком сильно желающая добиться высокого статуса в обществе.

Ответ Миранды на публичное унижение был хладнокровным. Она забеременела от лучшего друга отца сразу после этого. Человек, которого звали Лео Тайер. Он был австралийским наследником империи по экспорту мяса. Ее ответное предательство было таким расчетливым, что Грейслин родилась точной копией Лео. Из-за этого не требовался даже тест на отцовство, который Миранда отправила отцу, как бы подтверждая, что Грейслин не его дочь.

Версии о том, что именно произошло после, были разные. Я слышал несколько историй от слуг. Но самая популярная сказка о том, как мой отец и Миранда снова начали свой роман, еще до того, как нас с Грейслин перестали кормить одним молоком.

Только теперь Миранда не была любимой девушкой, она стала любовницей. Пока не умерла Патрис и она не продвинулась до жены.

Миранда, как и ее дочь, терпеть не могла проигрывать кому-то. Особенно десятилетнему ребенку.

– Я поговорю с ним, – пробормотал мой отец. – Объясню

ему, что он поступил неправильно.

– Этого недостаточно. Ты думаешь, я смогу спать спокойно, зная, что твой сын через коридор от моей дочери, после того, что он сделал с ней?

– Мы точно не знаем, что случилось, милая.

Меня удивило, что он заступился за меня, но знал, что он не сможет долго оставаться непреклонным. Она убедит его. Она всегда убеждала. А он, ослепленный собственными грехами и ее красотой, подчинится.

– Что ж, терпеть не могу делать это, но либо он, либо мы.

– И куда я должен деть его? – эмоционально выплюнул отец. – Он ребенок, Миранда. А не чертова ваза!

– Есть школа-интернат не так далеко отсюда. Академия имени Эндрю Декстера. Сын Элейн ходит туда. Тот самый, кто выиграл грант. У меня есть брошюрка... – Я услышал, как зашелестела бумага.

Конечно, у нее была брошюра так вовремя.

– Ты хочешь, чтобы я кинул его в частную школу на другом конце штата? – прорычал он. – Господи, Миранда, только послушай себя.

– Ох, да брось, Дуг, – мягко сказала она. – Это хорошее место. Мы оба знаем, что он обогнал всех здесь в учебе. Ты окажешь ему услугу. Он сможет проявить свой потенциал вместо того, чтобы скучать и попадать во всевозможные проблемы. Мы будем рады видеть его на праздниках и летних каникулах. Он станет более управляемым.

И так я стал *управляемым*.

Выгнанным из моего собственного дома из-за вранья сводной сестры, лишь бы избавиться от меня.

Из-за ее ревности. Ее жадности.

Грейслин получила свою русскую пачку. Они убрали ее за стекло, прямо как в Оружейной палате в Кремле. Драгоценную и недосыгаемую. Прямо как ее мечты о балете.

Еще она получила все внимание родителей.

Тогда началась моя одержимость Грейслин. Дикое желание подчинить ее несмотря ни на что.

В этот исторический момент, когда она победила в единственное, что имело значение – публичное мнение.

Но это был марафон, а не бег на короткую дистанцию.

Грейслин ожидало усвоение урока на горьком опыте.

Мы, Корбины, всегда побеждаем в конце концов.

Даже если это означало, что нужно играть грязно.

Глава 4. Арсен

– Остановитесь, – попросила Грейс, после того как мы приземлились в Ньюарке через несколько часов.

Шофер щелкнул поворотником, сбавил скорость и подъехал на «кадиллаке» к обочине. Она толкнула дверь, выбралась, шатаясь, после чего ее вырвало прямо на кусты.

Она плакала весь полет сюда, говоря с матерью по телефону. Ни разу Грейс не спросила о моем состоянии. Может, она предполагала, как и ее мать, что я был социопатом, не способным на чувства.

Или, может, ей просто было все равно.

Странность в том, что она не из эмоциональных людей. Биться в истерике не в ее стиле.

– Это так больно, Арсен. Ты не понял бы, – сказала она, падая обратно на свое сиденье и кладя руку на вспотевший лоб.

Не понял бы?

Ее абсолютный эгоизм лишил меня дыхания. У нее они были вдвоем, когда она росла. Миранда. Дуглас. Она ни разу не извинилась передо мной за то, что сделала.

И именно поэтому ты так сильно хочешь ее. Потому что она помешательство. Недостижимая фантазия. Она отдельный вид.

– Он был и моим отцом, – ровно заметил я.

– Но он был ближе со мной, – по-детски пожаловалась она.

Отвернувшись к окну, я прикусил язык, пока не почувствовал металлический вкус во рту.

– Слушай, я просто без сил. – Она покачала головой, еще больше слез побежало из ее глаз. Мне кажется, я впервые видел, как она плакала. Даже после падения с крыши она сдерживалась. – Мне просто хочется быстрее приехать туда.

– Газ в пол, – было моим ответом, когда я щелкнул пальцами шоферу.

* * *

Спустя десять дней поместье Корбинов было переполнено людьми. Совсем не так, как оно было забито людьми, когда мой отец решил устроить грандиозную вечеринку в стиле «Великого Гэтсби», а мы с Грейс были детьми.

Поминальная служба была элегантно спланирована и безупречно проведена. Официанты блуждали среди гостей, нося тарелки с закусками и алкоголем. Пианист принимал заказы на песни за золотым роялем. Он играл старую классику, которую слушал мой отец: Bohemian Rhapsody, Imagine, Your Song.

Я стоял в углу комнаты с моими друзьями с подростковых лет, на самом деле с моими единственными друзьями, а именно Кристианом и Риггсом. Кристиан был адвокатом, который владел новенькой фирмой, а Риггс профессиональ-

ным фотографом и, возможно, избыливающим создателем новых заболеваний, передающихся половым путем. Вместе с собой Кристиан привел свою жену, Арья.

– Нам очень жаль. – Арья заключила меня в объятия, отказываясь отстраняться. Это было больше, чем то, что сделала Грейс за эти десять дней. Но опять же, Арья была настоящим разносторонним человеком, способным на сострадание. Грейс же была женской версией меня. Из-за чего ее поведение казалось еще более странным, ведь она была вся в отчаянии из-за смерти Дуга просто из ниоткуда.

– Все в порядке. Мы не были близки. Где малыш? – Я отстранился от нее, оглядываясь. Арья родила несколько месяцев назад розовое кричащее существо, которое напоминало лысого бухгалтера. По секрету и только себе я мог признать, что хотел то, что было у Кристиана с Арьей. Может, потому, что я знал, что никогда не получу подобного.

– У малыша есть имя. – Кристиан нахмурил брови. – Это Луи. И он дома с няней. Ты что думал, мы приведем его на поминки?

– Я вообще о нем не думал, – холодно признался я. – Я просто пытался поддержать разговор.

– Общение – явно не твое, приятель. Лучше продолжай просто зарабатывать деньги. – Глаза Кристиана наполнились раздражением.

– Почему вы не были близки? – Арья ободряюще положила руку мне на плечо. – Ты и твой отец.

– Удачи с тем, чтобы выбить признание у этого парня, – фыркнул Риггс, проводя рукой по своим золотистым волосам, будто в замедленной съемке. – Арс из тех, кто не говорит о таких вещах. Я пойду к бару. Не то чтобы я не заинтересован в твоей драме, дружище, но... О, подожди. Точно. Я не заинтересован. – Он подмигнул и с важным видом ушел в другой конец комнаты.

Я был не против, чтобы он и здесь гонялся за женщинами. Риггс бессовестно преследовал женщин так, будто узнал об их существовании месяц назад.

– Это клиент. – Кристиан поднял телефон в воздух, показывая входящий звонок. – И не очень радостный. Я скоро вернусь.

– И так? – Арья все еще пристально смотрела на меня.

– Мы с отцом не сходились во взглядах. – Я приподнял плечо.

– С каких пор? – Она наклонила голову набок.

– С зачатия, – сухо рассмеялся я. – Он сделал все, чтобы я помнил, что он женился на моей матери только из-за того, что она была беременна мной. Как будто я был сперматозоидом, который сбежал из его яиц посреди ночи, чтобы поселиться у нее между ног. Никакой собственной ответственности. Когда моя так называемая мать умерла, не прошло и двух лет, как он женился на своей бывшей. Предположительно, у них был роман на стороне на протяжении всего недолгого брака. Но все в порядке, я слышал, что Патрис то-

же особо не запишешь в пример идеального родителя.

Я говорил с такой горечью, что это напомнило мне вкус пива Guinness. По правде говоря, мне было плевать на недородителей. Я просто хотел, чтобы она отвлеклась от разговора и придерживалась безопасных тем, например о погоде.

– Похоже, он был тем еще персонажем. Я могу понять. Любить кого-то, кто не заслуживает нашей любви, это самое большое наказание, которое можно вынести. – Арья кивнула.

– Напомни, почему мы любим людей из-за родства крови, а не по заслугам? – Злобно-насмешливая улыбка коснулась моих губ. Арья размышляла над моим вопросом.

– Потому что человечество иначе не выжило бы. Как правило, люди не очень приятные, – проговорила она как ни в чем не бывало. – Слушай, я знаю, ты не чувствуешь сейчас боль от утраты. Все слишком ново и тяжело вот так сразу принять. Может, ты никогда не почувствуешь этого. И я знаю, мы чужие друг другу по большей части. Но как человек, у которого самого были тяжелые отношения с отцом, я просто хочу, чтобы ты знал. Если тебе нужно будет с кем-то поговорить, – она положила руку на мою, – этим кем-то могу быть я. Я пойму и не буду никогда судить.

– Я ценю это, – ответил я, и правда ценил. Мне бы очень хотелось влюбиться в такую же женщину, как Арья. Сильная, умная и сострадательная. Кто-то, кто занимается благотворительностью в свободное время. К сожалению, я рассчиты-

вал только на эгоцентричную нимфу.

– Как продвигается пиар-бизнес? – я поменял тему разговора.

– Прекрасно, – улыбнулась Арья. – У меня никогда не бывает недостатка работы, потому что люди всегда попадают в проблемы.

– А благотворительность, которой ты управляешь? – Я забыл, с чем она связана. Что-то с детьми. Кристиан обычно не просил об одолжениях, а значит, в этот раз мне нужно было прийти на дурацкий благотворительный гала-концерт, который она устраивала каждый год.

– Девчачьи разговоры закончились? Арс теперь готов купить новый тренировочный лифчик? – Арья уже собиралась мне что-то сказать, когда Риггс с важным видом вернулся с вином, протягивая нам бокалы и делая глоток из своего.

– Повзрослей, Риггс. – Арья игриво толкнула его.

– Ни в коем случае, мэм. – Он скорчил ей лицо, похожее на что-то среднее между ужасом и отвращением.

– Мы что, делаем ставки, появилось ли у Арсена сердце в его пустой груди? – Кристиан вернулся с веранды, убирая телефон в карман.

– Почти. – Риггс пил вино, будто это был просто сок. – Твоя жена сказала мне вырасти.

– Скорее мы приземлимся на солнце. – Кристиан поцеловал Арию в лоб.

– Тогда Риггс будет тем идиотом, который согласится по-

ехать туда сделать фотографии, – заметил я. Мы рассмеялись.

Я был рад, что они находились здесь. Моя основная группа поддержки. Люди, которым я полностью доверял. Мы вместе выросли. Справлялись с трудностями. И вместе побеждали.

Краем глаза я заметил Элис Гудински, нашу с Кристианом и Риггсом духовную крестную мать.

– Приехала из Флориды так быстро, как только могла. – Она накинулась на нас, целуя меня в обе щеки. На ней было цветочное яркое платье, и она выглядела, как экзотическая птица на контрасте со всеми остальными, кто приехал на похороны. Она прижала меня к себе, шепча на ухо: – Скатертью дорожка. Этот старый пердун не был достоин тебя как сына. Я надеюсь, ты знаешь это. – Она похлопала меня по спине в материнском жесте, который Миранда никогда не позволяла себе в отношении меня.

– И тебе тоже привет, Элис, – Кристиан выпустил смешок за ней. – Забыла о манерах?

– Выросла из них, когда стала вдовой. Жизнь слишком коротка, чтобы хорошо вести себя. – Она повернулась к нему, тоже обнимая и целуя.

Вот дерьмо.

Пианист начал играть песню Friends In Low Places. По моему заказу. Не только Дуглас теперь был кормом для червей, но еще я знал, как он терпеть не мог кантри-музыку. Таким

было мое ироничное прощание.

– Кристиан, Риггс, Элис, очень мило с вашей стороны прийти. – Грейс пробралась к нам сквозь толпу, подходя. На ней было черное платье с открытыми плечами и эффектная подводка для глаз. Она выглядела безупречно даже в горе.

За эти десять дней после смерти отца она вела себя, как призрак ее обычного состояния. Она брала выходные на работе, на которые, я думал, она была физически не способна. Большую часть дней она не поднималась с кровати до полудня. Я знал, что в ее поведении было что-то большее, чем просто горе по Дугласу. И единственная причина, почему я не пытался добыть информацию, это потому, что хотел увидеть, как все будет развиваться естественным путем и о чем она думала.

Грейс пожалала руки двоих моих друзей, а потом на каблучках повернулась к Арье.

– Прости, я не помню твоего имени. Ты новая девушка Кристиана, да? – спросила она.

– Ты можешь звать меня Арьей. Или женой Кристиана. Мне не принципиально. – Арья улыбнулась, позволив намеренному оскорблению скатиться по ее спине.

– Виновата. – Грейс издала гортанный смешок. – Понимаете, я сейчас очень занята, чтобы быть в курсе событий в вашей банде.

Я напомнил себе, что эта женщина была идеальна для меня. По нескольким причинам. Они все были практичными

и расчетливыми. У нас был одинаковый вкус, те же ценности, одни и те же желания. У Кристиана была Арья, и вот посмотришь на них и понятно, что они счастливы. Настолько, насколько мог быть счастлив его несчастный зад, как по мне. У нас с моей сводной сестрой тоже могло это быть. Ну, или испорченная версия этого.

Да, Грейс могла быть неприятной, но и я тоже. Завоевать сердце Грейс всегда было моей единственной целью. Несколько грубых замечаний в сторону моих друзей не могли это изменить.

– Сожалею о вашей утрате, – проговорил ей Кристиан таким голосом, который так и означал, что он был счастлив ее страданиями. Все трое из моих друзей знали, что Грейс сделала со мной, когда мы были детьми. Никто из них не находил никаких искупительных качеств в ее взрослой версии.

– Спасибо. Это так ужасно для меня. – Грейс сжала свои жемчужины.

– Для Арсена тоже, могу поспорить, – заметила Арья.

– Конечно. – Грейс небрежно махнула рукой. – Просто... Что ж, мы с Дугом были очень близки. У нас была особая связь, понимаете?

– Если бы мне давали по монете за каждую длинноногую женщину в этой комнате, которая говорит эти фразы... – посмеялся Риггс за своим бокалом. – Включая и твою мать, раз уж я начал об этом думать.

Элис не сдержала громкий смех. Арья присоединилась к

ней.

– Потому что это то, что тебе нужно. – Арья кинула на Риггса игривый взгляд. – Более толстый кошелек.

Риггс был миллиардером, которому нужно было еще больше денег, как Грейс больше бриллиантов. Самое лучшее, что, несмотря на все его богатство, он жил ужасно скромной жизнью. У него не было необходимости произвести впечатление, из-за чего он мог говорить то, чего никто другой не посмел бы сказать в этой комнате. Именно поэтому сейчас он ставил на место мою девушку.

– Тебе должно быть стыдно, Риггс. Не обо всем можно шутить. – Грейс драматично отошла.

– Спустись на землю, наивная. – Риггс залпом выпил оставшееся вино. – Мы оба знаем, что вас привлекло в Корбинах, и это не их характер. Без обид, Арс.

– Никаких обид, придурок. – Я поднял в его сторону свой бокал.

– Эта беседа безвкусная и неприличная. – Грейс сверху вниз посмотрела на Риггса. Ей хотелось, чтобы он извинился, но этого никогда не случится.

– Извиняюсь, Грейс. Пожалуйста, расскажи мне о приличиях. Я бы не хотел слушать о них ни от кого другого. Только от женщины, которая спит со своим сводным братом. – Риггс склонил голову, изображая грусть.

– Хммм. – Кристиан взбалтывал свой напиток, смотря на него. – Конечно, я бывал на более традиционных похоронах

за всю свою жизнь, но больше мне нравятся эти. Столько экшена.

– Ты так и будешь стоять и позволять ему так говорить со мной? – Лицо Грейс покраснело. Она повернулась ко мне, ожидая, что я вмешаюсь.

– Я могу сесть, если тебе так будет лучше. – Я разгладил свой костюм.

Арья начала сдавленно хихикать, как и Элис.

– Что ж, спасибо, что пришли. Я ценю это. – В ярости Грейс отвернулась от нас, после чего ушла к своей матери и группе ее друзей.

– Напомни еще раз, что ты в ней нашел? – Кристиан толкнул меня локтем, показывая бокалом с напитком в ее сторону.

– Красоту. Элегантность. Отсутствие подчинения.

– Знаешь, кто еще подходит под определение? – зевнула Элис. – Гепард, и я бы не стала делить с ним постель.

– Она противно выставляет задницу, – поэтично заметил Риггс, беря еще один напиток с подноса поблизости.

– Это особенность, приятель. Не ошибка. – Я посмотрел на стройные икры Грейс, пока она с важным видом уходила.

– Не могу поверить, что говорю это тебе, но ты пожалеешь, проверяя масло этой женщины, – тихо просвистел Риггс.

– Нет лучше антидота, чем сам яд, – цыкнул я.

– Мне стоит напомнить, что она пыталась разрушить те-

бя? – Кристиан и его черты настоящего Кларка Кента с постера потемнели. – Причем почти удачно. И все же ты помешан на ней.

– А помешательство, – Арья закусилла нижнюю губу, – это сильнодействующий яд. Он очень сладкий, и его легко спутать с любовью.

Я прекрасно знал, что то, что было у нас с Грейс, было далеко от определения любви, как ее понимали большинство людей. Но оно было большим, раскованным и вечным. Это то, что не могли понять Кристиан и Риггс. У меня с Грейс никогда не будет дружеского секса, а это стандартное состояние каждой пары, которая была вместе больше двух или трех лет.

Наш секс всегда был голодным, горячим и враждебным. Наша вражда бесконечна.

Я променял комфорт на страсть. Безопасность на желание. Грейслин Лэнгстон была рискованной акцией, но я всегда играл на опасной стороне.

– Я не помешан на ней, – сказал я с сухим весельем в голосе. – Я помешан на том, чтобы владеть ею. Это обстоятельства, которые управляют всей этой операцией.

– Ты ошибаешься, – настаивала Арья. – Обстоятельства не важны. Важно то, что ты окажешься рядом с тем, кто не заботится о тебе. Срочные новости, Арс, мир и так полон людей, которым наплевать на тебя. Так что, когда выбираешь себе партнера, тебе правда хочется убедиться, что нашел ко-

го-то, кто будет рядом.

– Извиняюсь, что прерываю ваши философские размышления, но твоя разбитая скорбящая сводная сестра сейчас выглядит очень даже радостной, – заметил Риггс, потеряв подбородок.

Проследив за взглядом Риггса, я увидел Грейс рядом с Чипом, Полом и Пабло. Ее коллеги приехали посочувствовать. Грейс рассмеялась над чем-то, что сказал Чип, игриво хлопнув его по груди, не заботясь ни о чем в мире.

Не специально и конечно без желания я понял, что сканировал комнату в поисках Уиннифред. Если Пол был здесь, может, он взял с собой жену.

Не то чтобы я был заинтересован в ней. Я просто хотел посмотреть, появился ли у нее живот. Если я был прав. Я хотел увидеть, были ли ее глаза такие же грустные и затравленные.

Как оказалось, ее здесь не было. Хорошо. Потрясающе. Больше алкоголя для меня.

– Итак, это скучно, – пожаловался Риггс, схватив закуску с тарелки и бросив ее в рот. – Я попробую вернуться в город в час пик.

– На какой машине? – спросил Кристиан с преувеличенным интересом. При всем своем богатстве у Риггса не было никаких ценных вещей. Ни машины, ни квартиры, даже никакой чертовой мебели из ИКЕА. Когда бы он ни был в городе, он останавливался либо у меня, либо у Кристиана дома.

– Точно. Я же приехал с тобой. Ну, тогда я вызову такси, – проговорил Риггс после того, как посмотрел на друга полурошелоленным взглядом.

– Не нужно. Я арендовала машину. – Элис похлопала его по спине. – И в любом случае я приехала сюда показать уважение Арсу, а не его отцу. Что я сделала. Так что поедем вместе. Корбин, милый, увижу тебя очень скоро.

– Удачи и спасибо за сашими. – Риггс отсалютовал нам.

Они направились к выходу. По пути Риггс останавливался, чтобы сделать пару комплиментов симпатичным подругам Грейс по поводу их одежды так, будто мы были на модном шоу. Он получил один номерок и много неприличных хихиканий. Этот мужчина был так же беззаботен, как обертка от презерватива на вечеринке в колледже. Хотя биологически ему было тридцать четыре года, если опираться только на его поведение, то я бы не дал ему больше семнадцати в удачные дни. Удачи женщине, которая попытается приручить этого придурка.

– Тебе нужно разобраться с Грейс. – Кристиан повернулся ко мне, как только Риггс и Элис пропали из виду. – Когда дерьмо взорвется, никто не поможет тебе убраться.

– Ты прав, я буду убирать свое дерьмо. Так что сделай одолжение и отстань. – Я хлопнул его по спине. – Приятно было видеть тебя, Арья, как и всегда.

– Разве он не хотел, чтобы его кремировали? – Грейс снимала серьги напротив зеркала в моей ванной комнате. Я жил в небоскребе на улице миллиардеров. Башня была высотой четырнадцать сотен футов с видом на Центральный парк.

– Хотел, – ответил я; развалившись на мягкой скамье рядом с кроватью, я расшнуровывал мокасины.

– Почему тогда ты решил его похоронить? – Она вышла из ванны, намазывая руки кремом.

– Именно по этой причине. – Я прошелся к своей гардеробной, убирая обувь.

– Ты мелочный, – проговорила Грейс, падая в постель и со скучающим надутым видом листая что-то в телефоне.

– И тебе это чертовски нравится, – мягко сказал я.

– Думаешь, он знал, что с ним, когда случился инсульт? – она звучала задумчиво.

Я мог только мечтать об этом.

– Не знаю, – вместо этого сказал я, плюхнувшись на другую сторону кровати. Я начал расстегивать пуговицы рубашки. – Мне все равно.

– Думаешь, он думал о нас? Перед тем как умереть?

Хотя я был огорчен кончиной Дугласа, не было ничего хорошего, если кто-то поблизости замечал подобное. Я не понимал, почему Грейс пыталась очеловечить этого мужчину.

– Может, – ошетинился я. – Почему это так важно?

– Оу, без причины. Просто, знаешь... – Она кинула телефон на матрас, повернув ко мне голову. – Мама сказала, что Дуг оставил что-то для меня в завещании.

Я замер, мои пальцы задержались на одной из пуговиц. Воздух между нами накалился тихим соревнованием. Я обдумывал свои следующие слова, зная, что мы начали новую ментальную игру в шахматы.

– Не знал, что Миранда и Дуглас разговаривали.

Она прижалась ко мне. Ее руки скользили по моей спине, массируя ее.

– Разговаривали. У них были разговоры насчет примирения. Дугу надоели его бессмысленные подружки. Ты знаешь, что мама не так давно порвала с Дейном. – Она внимательно следила за моей реакцией. Наши воображаемые мечи все еще были спрятаны, а наши руки наготове вытащить их. – Но я не уверена, насколько у них все было серьезно.

– Это очень удобно, – ухмыльнулся я.

– На что ты намекаешь? – Она потерлась о мою спину.

– Ни на что. – Я оттолкнул ее, давая рубашке упасть с плеч, после чего бросил ее в изножье кровати. – Посмотрим, внес ли он какие-то изменения в завещание в последний момент.

Я ни на один грамм не волновался о деньгах Дугласа. У меня было достаточно денег и так. О чем я волновался, так это о том, что Миранда могла заполучить в свои когти что-

то, чего она не заслуживала. Как и Грейс. Они десятилетиями слонялись вокруг него ради объедков.

– Я пойду выпью. – Я вышел из спальни, прошел через гостиную. На кухне я налил себе виски, отмерив два пальца. Потягивая его, я оперся плечом о стену, смотря на вид с Центральным парком.

То, что Дуглас подставил меня в последний момент, прежде чем свалить в деревянный гроб, было вполне возможно. Ему довольно сильно нравилась Грейс. Только черт знает, что он чувствовал к Миранде. У них были свои взлеты и падения. Но я? Я всегда был поперек его горла. Мое безразличие к нему, к его богатству вкупе с моей финансовой и духовной независимостью всегда заставляли его чувствовать себя незначительным и неважным.

Но опять же, я был его биологическим сыном. Дуг всегда заботился о том, чтобы сохранить все состояние в семье.

Руки Грейс поползли по моей груди, накрывая темные волосы.

Ее обнаженное тело прижалось к моей голой спине.

Ее грудь была горячей, соски напряжены. Она покусывала меня за шею, облизывая и нежно прижимаясь. Ее грудь казалась тяжелой. Она, наконец, набрала в весе?

– Идем в кровать, большой ворчун, – промурлыкала она мне в ухо, покусывая его за край.

– Убеди меня, сестренка. – Я смотрел на дно стакана с виски.

– Тебе доставить удовольствие? – Она обхватывает мою промежность. Я был твердым. Она подняла руку выше, засовывая ее в мои штаны и сжимая кулак вокруг моего ствола.

Я поставил виски на ближайший столик, ловя ее за запястье и потянув, чтобы она оказалась передо мной.

Я переворачиваю ее, словно тряпичную куклу, наклоняя над боковым столиком и хватая за одно бедро, а свободной рукой и зубами разрываю презерватив. У меня всегда они были в кармане.

Через мгновение я внутри ее. Она мокрая.

Я врываюсь в нее сзади, закрыв глаза, вспоминая все те времена.

Когда она ударила меня в спину.

Когда она оклеветала меня.

Когда она забрала то, что было моим, и дразнила этим.

Вот вам и блаженная чертова сказка, которая была у других.

Грейс кончила первой. Как и всегда. Ничего не возбуждало ее больше, чем знание, что ее брал мужчина, которого она больше всего ненавидела.

Я кончаю спустя несколько минут. Снимая презерватив по пути в ванную, прохожу мимо зеркала до потолка и останавливаюсь.

Я был чрезвычайно спортивным. Я играл в теннис шесть раз в неделю. Я был относительно молод. Достаточно красив и богаче, чем кто-либо может себе представить.

Я мог найти достойную женщину. Кого-то вроде Арьи. Сострадательную, умную, притягательную спутницу, которая не мечтала всю жизнь увидеть, как я буду гореть в аду. Кристиан и Риггс были правы. Единственной женщиной, на которую я смотрел, была моя ядовитая и ненадежная сводная сестра.

– Было хорошо, да? – спросила она, когда я вышел из ванной.

– Хочешь посмотреть фильм? – спросил я в ответ и кивнул на ее слова.

Мне нужно было расслабиться после поминок.

– Вообще-то я собираюсь поработать немного на балконе. – Грейс отключила свой ноутбук от зарядки. – Пока погода хорошая и все такое.

Мы никогда не делили кровать для чего-то кроме сна или секса. Никогда не смотрели фильмы вместе. Не ходили в музеи или на пикники, не ездили вместе отдыхать.

Никогда не делали ничего, что было нормальным для пар.

– Все в порядке, у меня тоже есть дела, которые нужно решить. – Я направился в свой кабинет и закрыл дверь.

Настало время позвонить адвокату отца по недвижимости и узнать, какой ад он приготовил для меня перед смертью.

Глава 5. Арсен

Пятнадцать лет

Мое такси остановилось напротив поместья Корбинов. Я вылез из машины с двумя брезентовыми сумками на плечах. Я прищурился, смотря на арки особняка, который когда-то называл домом. Я смотрел на закрытые двери, на пустой проезд к дому.

Я не знал, почему надеялся, что кто-то ждал меня здесь. Разве я ничему не научился в Академии имени Эндрю Декстера за все эти годы?

Летние каникулы будут долгими, одинокими и максимально напряженными. Нужно было остаться в академии.

Я потащился ко входу и поднял кулак, чтобы постучать в двери, прежде чем вспомнить: «Черт возьми, это место станет когда-нибудь моим».

Я открыл дверь нараспашку. Прислуга бегала туда-сюда. Нигде не было видно отца, Миранды или Грейслин.

– Добро пожаловать домой, Арсен. Твой отец просил передать, что он, твоя сводная сестра и твоя мачеха поехали в загородный клуб. Там сейчас турнир по гольфу. – Бернارد остановился передо мной, держа под мышкой манильский конверт. – Они должны скоро вернуться. Тебе нужна помощь в обустройстве? Или, может, хочешь что-то переку-

силь?

Я отрицательно покачал головой.

Поднявшись наверх в свою комнату, кинув сумки на пол, я оглянулся. Не нужно быть гением, чтобы понять, что произошло. Грейслин обосновалась здесь. Комната не стала розовой или чем-то таким, но мой шкаф был открыт и заполнен блестящими кроссовками. На столе лежали ее учебники, маркеры пастельного цвета и стикеры в виде сердечек. На моей незаправленной кровати виднелись волосы.

Какого черта? В доме было полно комнат. Она могла выбрать любую для своей второй комнаты. Но это не было случайностью. Она пыталась так показать мне, что я больше не был частью этого дома.

Раздраженный, я рухнул на кровать и потянулся в ней в грязной одежде, просто ради пакости. Потом я уставился на потолок. Кровать все еще пахла Грейслин. Ее шампунь и французские духи, а еще дорогой лак для ногтей. Почему она спала здесь? Это казалось таким странным.

Входная дверь открылась и хлопнула. Смех заполнил фойе. Отец, Миранда и Грейслин оживленно разговаривали. Мои внутренности скрутило от злости.

Как до тошноты чудесно, у них получилось стать одной счастливой семьей, как только я стал «управляемым».

– Он здесь. – Услышал я голос одного из работников, сразу догадавшись, что говорили обо мне. Но сколько бы я ни ждал – десять, пятнадцать, двадцать минут, никто из моей

так называемой семьи не постучал в дверь.

Так продолжалось несколько часов. Схватка характеров и самомнения. Кто первым сдастся и подойдет? Отец или я. Только мне было пятнадцать, а он был взрослым мужчиной, который обменял сына на жену.

Пропускать ужин было бестолково с моей стороны. Мой желудок урчал от голода, но лучше я умру, чем проиграю эту игру разума отцу. Когда все легли спать, я спустился на цыпочках на кухню и съел остатки с трех тарелок. Потом я поднялся на крышу через окно в прачечной и смотрел на звезды.

Я заметил Меркурий, Сатурн, Венеру, Марс и Юпитер. Если я сильно щурил глаза, то казалось, будто я мог увидеть кольца Сатурна. Звезды успокаивали меня. Их существование. Знание, что была целая вселенная где-то далеко, такая огромная по сравнению с моим ничтожным существованием.

«Пропорции», – да, это было причиной, почему я так любил астрономию. Все в ней было пропорционально друг другу.

На следующее утро я не явился на завтрак. До моей комнаты доносился их напряженный разговор. Дуг терял спокойствие, прекрасно зная, что его единственный наследник скорее выпьет собственную мочу, чем будет ужинать с ним.

К полудню отец и Миранда отправили Грейслин постучать в мою дверь.

– Входи, – сказал я, когда прошло девять минут, как она стояла под дверью, и даже устало процедил: – Давай заходи, я знаю, ты там.

Она толкнула дверь. Она стала выше. На ее подбородке были прыщи, а еще она носила цветные брекеты. Она выглядела некрасивой, чему я был рад.

Я же повзрослел за это время. Я знал, что выглядел привлекательно, потому что постоянно ко мне кто-то подкатывал. И знал, что Грейслин это понимала, так как она не могла перестать смотреть на меня.

– Мы собираемся в кино. Мама и папа спрашивают, хочешь ли ты с нами. – Она кусала внутреннюю часть щеки, крепко сжимая ручку двери.

– Она не моя мать, а он не твой отец, – ответил я как ни в чем не бывало, подкидывая теннисный мячик к потолку и ловя его снова и снова. – И я пас.

– Но ты даже не знаешь, что мы будем смотреть, – ее голос звучал плаксиво и напряженно. Ей не хотелось расстраивать Дуга и Миранду. В конце концов, это было ее постоянной работой – оставаться любимым ребенком.

– Если это не реалити-шоу, где каждый, с кем мы ходили в школу, пользуется тобой, то меня это не интересует, – повторил я.

– Похоже, ты совсем не изменился. – Ее прыщавый подборок задрожал.

– Конечно, изменился, – усмехнулся я, все еще подкиды-

вая мяч. – Мне теперь плевать на тебя. Совершенно.

– Я твоя сводная сестра!

– Ты лгунья.

Она отвернулась и захлопнула за собой дверь.

* * *

Дни проходили медленно, а моя решимость продолжала расти.

Дуг проиграл первым. Он постучал в мою дверь спустя пять дней нашей холодной войны, предлагая поехать с ним к его друзьям играть в гольф. Отказаться не составило труда, я ненавидел гольф и в целом презирал его.

Ночи были намного приятнее. Тихие и не такие жаркие. Я поднимался на крышу с фонариком и книгой по астрономии вместе с телескопом, который купил себе, когда подрабатывал между уроками в течение года. Дуг предоставил мне кредитку, но я из принципа не прикасался к ней.

Я читал о карликовых галактиках, черных дырах и о бозоне Хиггса⁴. Я съедал дневную норму еды на крыше, даже не думая о том, чтобы убрать остатки, прекрасно зная, что этим привлекаю всевозможных животных. Я лежал на спине,

⁴ Бозон Хиггса – элементарная частица, квант поля Хиггса, с необходимостью возникающий в Стандартной модели физики элементарных частиц вследствие хиггсовского механизма спонтанного нарушения электрослабой симметрии. Его открытие завершает Стандартную модель.

заложив руки за голову, и размышлял. Я думал, какой будет девушка, на которой женюсь. Мне нравились темноволосые девушки, из-за чего я решил, что она будет брюнеткой. Я думал, что она будет серьезной и умной. Может, она будет ученым. И у нее будет прекрасная грудь, которую она позволит мне постоянно трогать.

Она никаким образом не будет похожа на Миранду, на Грейслин и даже на Патрис.

Мы поженимся, я и эта воображаемая девушка. И моя «семья» придет на церемонию, а я буду держаться с ними холодно и отстраненно. И они будут знать, что никто из них мне не нужен. У меня теперь есть своя собственная семья.

Эта девушка, девушка моей мечты, у нее будет большая и счастливая семья. Мы будем проводить у них все праздники. У нас будут свои традиции и дурацкие одинаковые свитера на Рождество.

Мечты помогали мне двигаться дальше. Потому что там, где были мечты, была и надежда.

После трех недель одиночества Дуг смог вытащить меня на теннисный корт. Он знал, что мне нравилось играть, и выманил меня обещанием о корейском барбекю и пивом после игры.

Папа пытался найти подход по-своему. В последующие дни он позволял мне пить пиво с его крутыми друзьями в загородном клубе после моих теннисных матчей (я выиграл их все). И он не заставлял меня проводить время с Миран-

дой или Грейслин.

На самом деле, мне удавалось избегать эту парочку целых шесть недель летних каникул. До одной ночи, когда я лежал на крыше, читал о квантовой механике и слышал шум, доносящийся от противоположной стороны дымохода. Я сел, оглядываясь вокруг, и увидел Грейслин, стоящую на краю в ее светло-желтой пижаме, уперев кулаки в бока.

Она стояла в нескольких шагах, смотря на меня сверху вниз.

– Если вдруг тебе интересно, без тебя все идеально. – Она пыталась издевательски улыбнуться, но я видел, что она нервничала. Ее глаза были широко раскрыты и полны отчаяния.

– Мне не было интересно, но спасибо за последние новости, – равнодушно сказал я. – Забирай себе их обоих и этот уродливый особняк. Жить здесь скучно. Мне весело в школе.

Вранье, вранье и еще больше вранья. В Академии имени Эндрю Декстера строгие правила, полно хулиганов и жестокого персонала, но я не собирался доставлять ей удовольствие, рассказывая об этом.

– Знаешь, – она погладила подбородок, – я думаю о той ночи каждый день. Как так получилось, что ты не попытался сказать отцу правду? Ты просто... Забил на это.

Я пытался. Просто он не слушал.

– Для чего? Я получил то, что хотел. Теперь мне не нужно

лицезреть твое уродливое лицо каждый день, – ответил я, загнув страницу в книге и отложив ее.

– Ты сказал правду? О том, что тебе теперь все равно. – Ее маска спала, как и насмешливая улыбка.

– Каждой фибре моего тела.

– Что ж, к твоему сведению, я тоже тебя ненавижу!

– Это что, конкурс на самые бестолковые факты? – Я огляделся вокруг в изумлении, прежде чем снова взять книгу с зевком. – С чего ты решила, что меня это волнует?

Все произошло слишком быстро. Грейслин зарычала и прыгнула на меня, пытаясь столкнуть с наклона крыши. Я споткнулся в шаге от падения, прежде чем схватиться за вентиляционную трубу. Я был еще в нескольких шагах от края. Грейслин застонала от разочарования, пытаясь столкнуть меня ногами. Она хотела убить меня. Намеренно сломать мне шею. Эта девчонка – психопатка.

– Падай! Ох, умри наконец! – Она продолжала отчаянно брыкаться, пытаясь достать до меня. Я обхватил одной рукой вентиляционную трубу, а второй схватил ее за ногу и потянул к себе. Она ахнула, перевернувшись на живот и пытаясь подняться, как мокрая кошка в ванне.

Я не отпустил ее лодыжку, но залез на уступ с ней. Когда мы добрались до верха, то я перевернул ее на спину и сел сверху. Я не хотел рисковать возможностью ее новой попытки убить меня.

Она подняла кулаки в воздух, пытаясь ударить меня в нос,

в щеку, в шею. Я схватил ее за запястья и грубо пригвоздил по обе стороны от ее головы. Она застонала от боли. Я кое-как сдержался, чтобы не ударить ее.

– В чем твоя проблема, а? – закричал я.

Она быстро дышала подо мной. Ее грудь вздымалась и опускалась, а еще, на ней не было белья. Я сглотнул, чувствуя себя странно, будто по мне сейчас пробежится дрожь, а еще я не был и наполовину зол, как следовало бы. И это было паршиво, потому что, может, я ненавидел ее, но я не ненавидел ее тело.

– Поцелуй меня. – Она облизнула губы, ее темный взгляд опустился на мои губы.

– Что? – непонимающе спросил я.

– Поцелуй меня, придурок. Я хочу, чтобы ты стал моим первым. – Она попыталась высвободиться, рассмеявшись.

Она раньше не целовалась? Мы были почти одного возраста. Хотя я до сих пор был девственником, но много целовался, получал удовольствие сам и даже трахал пальцами двух девушек на лыжном турнире прошлой зимой.

К тому же, что важнее всего, почему я?

– Ты ненавидишь меня, – выплюнул я.

– «Ненависть и любовь – одна и та же любовница, которая носит разные маски», я где-то слышала эту фразу и сразу подумала о тебе. – Она улыбнулась мне, хлопая ресницами. И тут я понял, что происходило. Ей нравилась борьба. Драки. Игры. Она видела отношения Дуга и Миранды и хотела по-

вторить их. То, что я считал насилием, она считала страстью.

Моя рука скользнула от запястья к ее шее. Я немного сдавил ее. Не так сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы показать, что был серьезно настроен. Я приблизился к ней. Ее веки вздрогнули, у нее перехватило дыхание. Ее дурацкое тело сдалось, мышцы расслабились, когда она приготовилась к поцелую. Я наклонился. Мои губы были на волоске от ее, когда я перестал двигаться, позволяя последнему миллиметру стать целой милей между нами.

– Ты глупая, глупая девчонка. Если ты попытаешься еще раз убить меня... – Моя хватка на ее шее усилилась. – Я сломаю твою милую маленькую шейку, даже если меня посадят за это. В следующий раз ты не будешь воющим волком, ты будешь съедена им. Со всеми костями и внутренностями.

Прежде чем я успел выпрямиться и убраться подальше отсюда, она приподнялась, и ее губы коснулись моих. Она украла поцелуй. Это было мокро, наполнено языком и металлом. На вкус как яд. Будто спиртосодержащая жидкость для полости рта и девушка, которую я вообще не должен был хотеть, но все же хотел.

– У тебя вкус яда, – прошептал я ей в губы.

Она ухмыльнулась, сильно прикусывая мою нижнюю губу, пока металлический вкус не оказался у нас двоих во рту.

– Может, именно так я тебя убью. – Она облизнула кровь с моего рта. – С добротой.

Глава 6. Арсен

– Возможно, вовсе не значит, что все дерьмово, – проговорил Кристиан в нескольких дюймах от бильярдного стола, держа кий, как винтовку. Он идеально прицелился, чтобы забить шар в лунку. – Ты слишком много смысла вкладываешь в это.

Я сидел в кресле позади него в «Новом Амстердаме». Приватный мужской клуб на углу Шестьдесят девятой улицы. Это был самый эксклюзивный клуб в Нью-Йорке и поэтому относительно пустой.

Кристиан, Риггс и я ходили сюда с тех пор, как Риггс оповестил нас, что мы больше не могли появляться в «Братстве», в нашем любимом пабе, из-за того, что он поругался с хозяевами, некоторыми посетителями паба и поставщиками.

– Сомневаюсь. – Я перевернул страницу в книге по астрономии, которую читал, держа трубку в уголке рта. – Сегодня я ходил к его адвокату по недвижимости. Он не мог назвать мне всех деталей, но сказал, что Грейс получила нечто ценное.

– Это может означать что угодно. Это может быть хороший дурацкий фарфор. Когда ты увидишь завещание? – Кристиан отложил кий в сторону, чтобы взять бокал с пивом и сделать глоток.

– Физическая копия должна быть отправлена мне на днях.

– Но почему твой отец вообще оставил что-то Грейс? – Нахмурился Риггс, ходя вокруг бильярдного стола и решая, откуда лучше бить по мячу. – Разве она не была пятном спермы его бывшего лучшего друга?

– Противоречивость – это наша семейная черта. Отдать ей что-то, чего я хотел бы, будет прямым посланием куда по-дальше. Не думаю, что он когда-либо прощал меня, – проговорил я, положив трубку.

– За что? – Теперь хмурился и Кристиан.

– За рождение, – ухмыльнулся я.

– Это не ты был тем, кто засунул свой член в твою мать, извините за мой французский, – проговорил Риггс, сделав глоток пива.

– В обидах, как в эротическом белье, мало смысла. – Кристиан хлопнул меня по плечу. – Как думаешь, что он оставил для нее?

Отель на Пятой авеню? Яхту? Частный самолет? Варианты были безграничны. У Корбинов были деньги нескольких поколений. Такие старые, что их можно было проследить до Франции восемнадцатого века. Мои предки ели тортики с Марией-Антуанеттой.

– Сложно сказать. – Я положил книгу на стол. – У Дугласа было много активов и ноль угрызений совести. Единственное, что точно знаю, так это то, что он не мог отдать ей слишком много. Наша семья не славится щедростью, – заметил я.

– Во всем этом есть и положительная сторона, – прогово-

рил Риггс, опираясь на свой кий, словно это трость, и скрестив лодыжки. На его лице играла победная улыбка, будто он выиграл в каком-то шоу.

– Просвети меня. – Я вопросительно выгнул бровь.

– Теперь, когда он мертв, ты можешь сделать финальный шаг. Использовать все, что есть в его завещании, в свою пользу.

– И это значит?

– Всем, что она не получила, ты сможешь болтать перед ее лицом, словно конфетой перед ребенком. – Риггс почесал кием спину, выгнув бровь. – Ты же хотел завоевать ее, да? Так ты нанесешь финальный удар. Так ты победишь.

– Не считал тебя хитрым типом. – Я сузил глаза.

– О, я могу быть безжалостным, – Риггс со смехом отмахнулся от меня. – У меня просто никогда не было интереса, чтобы показать эту свою сторону.

Хах.

Я собирался извлечь из ситуации максимум выгоды.

Даже если это означало, что необходимо сжечь наследие Дугласа Корбина.

* * *

Спустя три дня письмо пришло. Манильский конверт, требующий подпись. Альфред со стойки регистрации позвонил мне, чтобы оповестить меня, что конверт прибыл. Я вы-

бежал босиком из квартиры.

– Кто доставил? Международный почтовый союз? – спросил я, вырвав папку из рук старика.

– Личная доставка от какого-то мужчины с важным видом. Надеюсь, у тебя все получится, сынок, – проговорил он, покачав головой.

В лифте я сдерживал себя, как мог, чтобы не разорвать коричневый конверт в клочья. Это было бы то, чего хотел мой отец. Я не мог рисковать тем фактом, что бесконечная жизнь после смерти могла существовать и его дух наблюдал за мной сверху.

– Подозреваю, ты попал в ад. Или есть шанс, что ты подкупил ангела, чтобы найти себе местечко в раю, – вместо открытия конверта проговорил я, подбрасывая его вверх-вниз.

Когда я вернулся в квартиру, то кинул конверт на свой стол в кабинете, пошел на кухню, сделал кофе и потом вернулся. Я разрезал конверт ножом для писем, потом аккуратно вытащил стопку бумаг, в очередной раз напоминая себе, что мне все равно.

Но на самом деле мне не было все равно. И это чертовски убивало меня.

Я знал, что моя привлекательность потускнеет в глазах Грейс, если Дуг оставил ее такой же богатой, как меня. Я выставлял свою родословную, свой престиж и миллиарды семьи перед ней, чтобы удержать ее рядом. Если это все пропадет, то она, скорее всего, уйдет от меня навсегда.

И если она навсегда бросит меня, то я проиграю. Действительно, наконец, проиграю в нашей войне, которая длилась третий десяток.

Все или ничего.

Я пропустил нудную часть и перешел сразу к делу. Я начал читать перечисление пунктов.

Большая часть недвижимости, за исключением офисного здания в Скарсдейле, перешедшего деловому партнеру по бизнесу, теперь принадлежали мне.

Наличные, облигации, банковские счета полностью переходили ко мне. Его инвестиционное портфолио тоже теперь мое. Как и его частный самолет. Я даже получил машины, антикварную мебель и уродливые семейные реликвии.

Я получил все, чем он владел.

Миранда Лэнгстон не получила и цента. Даже консервы в кладовке. Даже его наилучшие поганые пожелания. Грейс тоже, похоже, ничего не досталось. О чем, черт возьми, тогда говорил адвокат по недвижимости? Что ценного он ей оставил?

Я в замешательстве смотрел на бумаги. Чего я не вижу?

И потом я заметил. В самом конце завещания. Грейслин Лэнгстон получила «Калипсо Холл». Маленький театр, пыль на Таймс-сквер, который игнорировался и нуждался в срочной реставрации. Если он вообще работал, то наверняка это была денежная яма. Подозреваю, что единственная причина, по которой он еще не закрылся, это потому, что многие ту-

ристы не могли купить билеты на Бродвей и в конце концов попадали на представления туда.

Это милое строение не было достойно того места, которое занимало. И самое прекрасное в том, что это было историческое здание, и кто бы его ни купил, должен был оставить в нем театр. Следовательно, он не может быть продан. В любом случае, не за выгодную цену.

Грейс не стала и на цент богаче, чем была до этого завещания.

Отличные новости для меня.

Бомба для нее.

Я откинулся в кресле назад, размышляя обо всем, в чем была выгода Дугласа. Чего он планировал добиться, лишив меня этой прославленной дыры? И потом до меня дошло.

«Калипсо Холл» первоначально был куплен, когда моя мать переехала в США. Я слышал, как рабочие говорили, что она была одинока и скучала до безумия во время беременности со мной. Чтобы успокоить ее, мой отец решил подарить ей что-то, чем она могла занять себя и не мешать ему. Так как Патрис была начинающей актрисой, то он купил ей этот разваливающийся театр. Он назначил ее управляющим директором и, как истинный Корбин, сказал ей не жалеть ни копейки, чтобы добиться успеха.

Она проводила там дни и ночи, суетясь над каждой деталью, над каждым сценическим украшением, над каждым шоу. Некоторые говорили, что она, в самом деле, изменила

ситуацию и сделала театр прибыльным на несколько месяцев. Мой отец не много рассказывал мне о ней, но все же сказал, что, как только я родился, она бросила меня в руки кормилице и продолжила работать в театре, забыв о моем существовании.

Я был единственный, кто оставался с тобой, Арс. Это я и ты, мальчишка. Навсегда.

Единственным жестом милосердия со стороны Дугласа было то, как он взял меня к себе, когда моя мать переехала на Манхэттен и жила без меня. Я не уверен, почему отец решил, что подарить Грейс что-то, что было дорого моей неблагополучной матери, разозлило бы меня, но он сильно ошибался.

Если уж на то пошло, то дарить Грейс что-то сентиментальное и совсем не бюджетное как раз означало, как плохо он знал свою падчерицу.

Ухмыляясь, я повернулся в своем кресле к панорамным окнам. Если у меня есть копия, то, значит, Грейс тоже ее получила.

Она скоро узнает, что я только что стал одним из самых богатых людей в стране. Она останется за пределами ее самых смелых мечтаний. Это убьет ее и одновременно заманит ко мне.

И так начнется еще одна игра между нами. Проверка на прочность.

Кто первый уступит, возьмет трубку и позвонит? Примет поражение? Осознает свою судьбу и, наконец, сдастся перед

этой отвратительной договоренностью и всем, что она влекла за собой?

Самое время напомнить Грейс кое-что, что она могла забыть.

Я всегда выигрываю.

Глава 7. Арсен

Спустя две недели

– Спасибо, что разрешил мне завалиться к тебе. – Риггс выполз за мной из такси, сильно уставший.

– «Разрешил» – это слишком громкое слово. Ты преследовал меня до дома, придурок. У меня было мало выбора в данной ситуации, – проговорил я, посмотрев на часы.

– Да брось, Арс. Все хотят, чтобы у них появился преследователь. Это значит, ты чего-то добился в жизни. – Он добродушно похлопал меня по спине, его золотистые кудри падали на широкий лоб, когда он покачал головой.

– Ты странное существо, – проворчал я.

– Чья бы корова мычала, – ответил он мне.

Мы пошли вниз по улице к моему дому. Я попросил таксиста высадить нас раньше конца маршрута, боясь, что моего друга детства вырвет на его кожаные сиденья.

Риггс шел, засунув кулаки в передние карманы и тихо на-свистывая что-то.

– Куда ты дальше отправишься? – спросил я, пытаюсь отвлечься от своих мыслей. Грейс не связывалась со мной уже две недели. Я знал, что она все еще переживала потерю своей важности для меня. Мы оба знали, что после завещания я стал слишком важен для нее, чтобы продолжать эти игры.

Она знала, что я попрошу признания, серьезные признания. И она оттягивала момент.

– Северная Джакарта, – ответил Риггс, на что я задумчиво хмыкнул. – Это в Индонезии, ты, некультурная свинья, – усмехнулся он.

– Когда ты уезжаешь?

– На следующей неделе, – ответил он, пнув пустую железную банку с тротуара прямо в мусорное ведро; такой удар заставил бы самого Бекхэма позавидовать. – На три недели. Это что-то вроде привилегии за то, что я выиграл в номинации «Фотография года» в прошлом году.

На этой фотографии удар молнии коснулся крыла канадского журавля. Он поймал кадр, когда вся стая одновременно взлетела в одном направлении. Весь фон был фиолетово-синий.

Я не сомневался, что Риггс был полон загонов и проблем, с которыми рождаются все великие художники. Но какая бы тьма ни таилась внутри него, он делал все, чтобы она не вырвалась. Беззаботный красавчик, который гонялся за девушками и приключениями, был лишь образом, который он показывал всем, даже своим лучшим друзьям. Я подозревал, что в каком-то смысле он был испоганен еще больше, чем мы с Кристианом, вместе взятые.

Плечом я толкнул стеклянную дверь в свой дом. Мы направлялись к лифту.

– Альфред, приятель. – Риггс стучается кулаками с мо-

им семидесятилетним швейцаром, пока я ташу его внутрь. – Как Сюзанна? Ее операция прошла удачно?

– Даже лучше, чем мы думали, мистер Риггс. Спасибо за цветы, это было щедро с вашей стороны. Она уже встала на ноги. Рад снова вас видеть. Мистер Корбин, я... – начал было мужчина.

– Не сейчас, Альфред, – рявкнул я, направляясь к лифту. Риггс может быть милым с работниками, но ко всему прочему он весил чертовых 180 фунтов⁵ из-за мускулов и к тому же пьяный, а тащить его приходилось мне.

– Но, сэр... – попытался сказать Альфред.

– Я сказал, что занят.

Риггс знал имя жены Альфреда. Невероятно. Этому придурку нужно арендовать квартиру в городе на следующий год. Мой дом не был хостелом, а ему становилось здесь слишком комфортно.

– Где твои манеры, грубиян? Альфред пожилой джентльмен. – Риггс покосился на меня, когда мы поднимались на лифте.

– Мне плевать, даже если он сам папа римский. – Я открыл дверь в квартиру. – А теперь принеси хоть какую-то пользу и закажи нам поесть. На твой выбор, – попросил я, проходя в гостиную, прежде чем осознал, что Риггс замер. Он стоял напротив моего дивана с открытым ртом и широкими глазами.

⁵ 180 фунтов – примерно 82 килограмма.

Я остановился.

Уставился на свой диван.

На нем распласталась Грейс, полностью обнаженная, не считая пары туфель на высоких каблуках с красной подошвой. Она крепко спала. Ее розовые соски набухли, а вся кожа покрылась мурашками.

Какого черта...

– Святые равиоли, – присвистнул Риггс. – Я начинаю понимать весь этот фетиш на секс с сестрой. Все еще не в моем вкусе, но я готов расширять горизонты.

– Я расширю твою задницу, если ты не свалишь прямо сейчас. – Я повернулся к нему, дрожа от гнева и восторга.

Наконец-то. Черт возьми, наконец-то. Что ее так задержало?

– Но мне нужно место, чтобы переночевать, – он раздражительно улыбнулся, наслаждаясь моим взбешенным состоянием.

– В Нью-Йорке шестьсот семьдесят отелей. Остановись в одном из них.

– Братанов не меняют на потаскушек. – Риггс сделал вид, что поднял с пола сумку и перекинул через плечо. Он вдруг щелкнул пальцами, опустив голову. – О, точно! Она же твоя сестра, – проговорил он, направляясь к выходу. – Наслаждайся, – напоследок пожелал он мне, прежде чем отсалютовать мне и хлопнуть дверьми.

Я присел на край кофейного столика и наблюдал за Грейс

несколько секунд. Ее лицо выглядело умиротворенно. Поэтому я понял, что она притворялась. Обычно когда Грейс спала, то хмурилась, будто она использовала это время для созерцания плана по захвату мира.

– Я знаю, ты не спишь, – сказал я.

Видимо, она поняла, что я не был один, когда мы зашли, и не хотела объяснять причину своей наготы.

Ее лицо не вздрогнуло.

– Риггс уже ушел. У нас давно назрел важный разговор, и завтра утром я могу быть не в том настроении, когда весь алкоголь выветрится, – заметил я, вздохнув.

– Уф, я ненавижу большинство твоих друзей, но этот хуже всех, Арс. Он ведет себя, как испорченный богачей. – Ее глаза распахнулись, она села прямо, дуясь, как настоящая избалованная принцесса.

Я ничего не говорю. Прошло две недели. Она должна быть сейчас на коленях, убаюкивая меня.

– Я приготовила тебе картофельное пюре и добавила побольше масла и лука, как ты любишь. – Она потянулась, как кошка, улыбаясь мне. – А еще там есть приправленный стейк, ждущий, когда его пожарят.

Она изучала меня, ожидая моих слов.

– Итак? Стейк сам себя не приготовит. – Я кивнул в сторону кухни.

Она поднялась. Я слегка шлепаю ее по заднице, пока она идет на кухню, любуясь ее длинными ногами на этих каблу-

ках. Она повела плечами, видимо, чтобы снять нарастающее напряжение в ее теле.

– Грейс, – мой голос холоден, как острое лезвие ножа, пронзающее ее шею.

– Да?

– Подойди сюда, когда закончишь.

Пока я ждал, когда мой стейк поджарится, то наслаждался бокалом Moet & Chandon и качественным минетом. Она на коленях, с энтузиазмом качала головой взад-вперед, вбирая меня в себя больше, чем обычно. Я, расслабленный, стоял у окна, наблюдая, как темнота накрывала заросший деревьями парк, пока Грейс сжимала мой член в кулаке, всасывая мои яйца в рот и массируя их языком.

Я победил. Я знал это. Она знала это. Все же удовлетворение от того, что она у меня на крючке, было не таким осязаемым и великолепным, как я представлял. Самой веселой частью отношений с Грейс всегда была погоня, всегда.

Ужин был приятным. Она часто мне улыбалась, поглаживая мою руку и спрашивая, все ли мне по вкусу. Очень даже по вкусу.

– Поздравляю с завещанием, кстати, – наконец она перешла к делу, спустя сорок пять минут, как я разбудил ее.

– Странный выбор слов, но спасибо. Поздравляю с театром. – Я отрезал сочный кусок стейка и закинул себе в рот. – Что ты будешь с ним делать?

– Оу, я не знаю. – Она крутила бокал шампанского за нож-

ку, погруженная в свои мысли. – На следующей неделе позвоню своему финансовому консультанту. Тогда узнаю детали. Ты думаешь, что нет способа превратить это место во что-то прибыльное, не так ли, Арс?

Я думаю, что это нескончаемая денежная яма, предназначенная для успокоения женщин, в которых влюблены мужчины семьи Корбин, и пустая трата кирпича и известкового раствора.

– Да.

– Может, тогда я продам его.

– Не жди существенной суммы. Нужно много денег и несколько чудес, чтобы изменить это место и сделать из него нечто привлекательное.

– Ты такой умный, – Грейс вздохнула, улыбаясь мне. – Мы вернемся к этому вопросу, когда я посмотрю театр. Уверена, ты сможешь мне помочь с ним, с твоими огромными мозгами.

– Почему так долго? – Я отложил вилку, устав от этой скучной шарады.

– О чем ты? – Она в защиту скрестила руки на груди.

– Я о том, что ты пришла сюда. Не строй из себя дурочку.

– Ничего. Я... Я не знаю. – Она вскинула руки в воздух. – Можешь меня винить. Наверное, тяжело смириться с фактом, что ты влюблена в своего сводного брата. В сводного брата, к которому ты не всегда была добра. Этот месяц был сложным.

– Влюблена в меня? – пробормотал я.

Время, удобство, все это делало ее слова прозрачными, понятными. Она не была влюблена в меня. Может, в мои деньги – да. И как бы я ни хотел жениться на ней, ее ложь в лучшем случае очевидна и в худшем оскорбительна.

– Конечно, я влюблена в тебя, Арсен. Почему бы еще я была с тобой столько лет?

Потому что ты ищущая внимания фурия и просто не можешь упустить возможность выгодного брака.

Грейс было тридцать три года. Все еще молода, но не настолько, чтобы не думать, с кем она хотела бы завести потомство. Она расчетливое существо, которое всегда на пять шагов впереди в игре. Когда речь идет о прибыли, то я ее вариант номер один.

– Ты любишь меня? – снова спросил я, откинувшись назад на стуле.

– Да. – Она сузила глаза, неловко ерзая на своем месте. – Почему это так странно для тебя? Ты не любишь меня?

– Не уверен.

Но, конечно, да. Я уверен на все сто. Я уверен и задолбан, как дневная проститутка, потому что любовь к ней меня не радовала. Никаких обязательств. Я начал думать, что любовь – это тюрьма. Что-то, чем вы возмущаетесь, а не лелеете.

– Твое внезапное признание до ужаса вовремя. Мне нужны будут доказательства этой так называемой любви, – протянул я.

– Твой член был у меня во рту меньше чем двадцать минут назад. Пока ты переписывался в телефоне! – взорвалась она, ее щеки горели от ярости.

– Тебе нравится, когда с тобой грубо обращаются. Помогает расслабиться после рабочего дня, где ты всеми вертишь, как хочешь, – я холодно улыбнулся ей.

– Ты хочешь доказательства – ладно. Что у тебя на уме? – Она закатила глаза.

Мы говорили так, будто заключали деловое соглашение. Мне нравилось это. То, как мы похожи.

– Я хочу, чтобы ты переехала ко мне, – сухо сказал я.

– Хорошо. Я могу это сделать. Что еще? – Она кивнула.

– Еще ты выйдешь за меня, – продолжил я деловым тоном. – Так как я понимаю, что это может быть щекотливой новостью, учитывая время и обстоятельства. Я дам тебе пару месяцев, чтобы сгладить острые углы. Подготовить почту, так сказать.

– Выйти замуж? – Ее брови приподнялись, глаза расширились от удивления. Какое же удовольствие наблюдать за этим. Она скрывала свое волнение, не желая признавать невыгодность наших переговоров. – Я не думала, что ты из тех, кто женится.

– Брак – это совершенно прагматичная вещь. – Я взял вилку и съел кусок стейка с кровью, его окровавленный сок стекал по моему языку. – Я фанат социальных институтов. Они выдерживают испытания временем, потому что хорошо ра-

ботають. Брак – это хорошая инвестиция с низким уровнем риска. Мне нужны наследники, стабильность и дом за пределами этого проклятого города. О налоговых льготах я тоже не могу забывать.

Хотя мой монолог не получит никаких наград в сфере романтики, он попал прямо в цель. Теперь, когда Грейс знала, что Дуглас не сделал ее мультимиллионершей, я мог вцепиться ей в горло.

– Это предложение руки и сердца? – Ее темные глаза почти вылетели из орбит.

– Это заявление о намерениях, – поправил я.

– Ладно. – Она пригладила свои блестящие волосы. – Убедись, что я получу такое большое кольцо, что его будет видно с Марса. Я хочу что-то противное и безвкусное. Что-то, из-за чего каждая женщина, которую я знаю, будет презирать меня.

У меня не хватило духа сказать ей, что многие женщины, с кем она была знакома, и так уже ненавидели ее.

Либо Грейс не удавались переговоры и я слишком переоценил ее, либо она отчаянно нуждалась в этой сделке. Во всяком случае, она слишком легко сдалась, и мне была интересна причина. Она провела последнее десятилетие, только и делая, что бросая меня каждый месяц и втягивая в свои драмы... Только для того, чтобы так просто согласиться на предложение? В чем ее выгода?

– Ты подпишешь брачный договор, – объявил я.

– Почему? Не то чтобы мы когда-нибудь... – Ее лицо вытянулось.

– Ты мне нравишься, Грейс. Больше, чем следовало бы. Но я не буду совершать такую ошибку. Я доверяю тебе не больше, чем заголовку завтрашней желтой прессы, – сказал я, подняв руку, чтобы она замолчала.

– Ты ужасен, – проговорила она, не сдержав смешок.

– Это не сюрприз для тебя.

– Ладно. Но я хочу, чтобы у меня была возможность поручить пройти по этому договору трем адвокатам.

– Да найми хоть сотню, дорогая, – ответил я. Это не имело значения. Я получу все, что хочу, и удостоверюсь, что мое состояние в безопасности, как это было у моего отца с ее матерью. – А теперь иди, жди меня в спальне, пока я мою посуду, – добавил я, вставая.

Сначала она медлит, как будто ей хочется что-то сказать, но потом она все же встает.

– Я сказал «иди»? Я имел в виду ползи. – Я стоял к ней спиной, но видел ее в отражении кухонного окна.

Повернув голову, я заметил, как напрягся ее позвоночник, когда она это обдумывала.

– Тебе нравится унижать меня? – уточнила она.

Не совсем так. Но я знал, что ей это нравилось, и я играл в нашу игру слишком хорошо.

– Все в порядке, Арс. Проблема в том, что мне тоже нравится, когда ты унижаешь меня. Я знаю, ты меня не лю-

бишь... – Она тяжело вздохнула. – Нет, даже не пытайся это отрицать. То, что ты ко мне чувствуешь, не любовь. Это одержимость. И всегда будет одержимостью. Но я все равно соглашусь на это.

Она медленно опускается на корточки и ползет в мою спальню, ее прекрасная задница на виду. Я в самом деле любил ее. Конечно, любил. Иначе почему бы мирился со всем, через что она заставила меня пройти?

Я хотел сказать ей встать. Но что-то остановило меня. Жгучая боль, которая пронзала меня каждый раз, когда я вспоминал, что она лишила меня единственной семьи, которую я знал. Как жестоко она подставила меня.

Я помыл тарелки и кастрюли, потом ополоснул бокалы для шампанского. Вытирая руки по пути в спальню, я слышал плеск воды в ванной.

Через пару минут Грейс появилась в черной кружевной сексуальной сорочке, словно куколка.

Куколка. Это прозвище заставило меня содрогнуться. Почему я вдруг подумал о той простушке? Хотя это не важно. Ее простодушное лицо уже исчезло из моей памяти.

Грейс подошла ко мне и провела ногтями по моему горлу. – Я тут подумала... – Кончик языка скользил по ее верхней губе. – Как насчет того, чтобы я предоставила тебе VIP-доступ сзади?

Я уставился на нее. Она мне только что предложила анальный секс? Будто мы были подростками? Мы никогда не об-

суждали это раньше. У меня не сложилось впечатление, что это было тем, чем она могла заинтересоваться.

– С чего вдруг? – спросил я.

– Что ты имеешь в виду? – Ее улыбка исчезла с лица. Это не та реакция, которую она ожидала. – Я хочу сделать что-то особенное для тебя. Мы будем жить вместе. Мы только что обсуждали женитьбу. – Она тяжело сглотнула и сделала шаг назад, добавляя: – Кроме того, тебе всегда нравилось что-то необычное. Я подумала, ты захочешь немного разврата.

Я не хотел, чтобы она отказывалась от того, чего не хотела, лишь потому, что все козыри были теперь у меня.

– Да брось! – Она закатила глаза. – Не делай вид, будто тебе не нравится, когда я сжимаю грудь, а ты вставляешь между ними, пока не кончишь мне в рот.

Нам точно стоило еще поработать над аспектом милых бесед.

– Эта идея появилась, потому что тебе стало скучно и захотелось разврата, пока у тебя были месячные, помнишь? – Я с сомнением посмотрел на нее.

– А теперь моя идея заняться анальным сексом! – она крикнула на меня. Не самый удачный вариант, когда пытаешься совратить кого-то. – Что так сложно понять?

– Давай запомним это щедрое предложение для момента, когда ты будешь не такой благодарной, а я не настолько пьяным. – Я сжал ее волосы сзади, вытягивая ее шею. – А теперь будь послушной девочкой и встань на четвереньки для меня

на кровати. В любом случае, это твой лучший вид.

Она так и делает, волоча колени по атласному белью.

– Смотри на изголовье и не своди с него глаз, – снова сказал я, кружа вокруг нее, как хищник, зная, что ее возбуждало.

Когда я надел презерватив и, наконец, вошел в нее, то понял, что она была совершенно сухой. Сбитый с толку, я медленно вышел из нее, не желая сделать ей больно.

– Тебе нужно больше времени? – Я прочистил горло, чувствуя себя, к своему удивлению, не в своей тарелке.

– Нет. Продолжай. Просто... Стресс иногда так влияет на меня. Мне весело. – Она повернулась ко мне, притягивая за воротник рубашки.

– Без обид, но ты как наждачная бумага, – честно сказал я. – Заниматься сексом необязательно. – Я отстранился от нее, собираясь сорвать презерватив с члена.

– Нет, нет. Пожалуйста. Ты должен переспать со мной. – Она обернулась и отчаянно схватила меня за рубашку.

– Почему? – ошеломленно спросил я. У нас никогда не было таких проблем, но я не видел нужды трахаться, когда она не была готова.

– Потому что! – Она была на грани истерики. – Я скучала по тебе, и я хочу почувствовать тебя внутри, хорошо? Перестань задавать так много вопросов.

У меня было странное чувство, что за этим скрывалось нечто большее, не только то, что она была сухой. Обычно она

сама прыгает на моем члене, будто это батут. Что-то было с ней не так, но она никогда не доверится мне.

– Пожалуйста. – Она подставляет мне задницу, ее голос сквозит отчаянием. – Сделай это. Пожалуйста. Для меня.

Неохотно я толкался в нее, медленно и осторожно, держа ее за талию, наблюдал, как шелковистые черные волосы падают на гладкую спину. Она все еще такая же сухая. Но каждый раз, когда я видел, как она морщилась, то вставлял пальцы ей в рот и использовал ее слюну в качестве смазки, массируя при этом ее клитор в надежде, что она станет хотя бы немного мокрой.

– Ты уверена, что все в порядке? – хрипло спросил я, чувствуя себя глупым старшеклассником и ненавидя каждую секунду происходящего.

– Это прекрасно. Оxxx, вот так. Пожалуйста.

– Нет ощущения, что ты получаешь удовольствие.

– Мужчины очень мало разбираются в женском теле, – рывкнула она. – Не говори мне, как я себя чувствую. У меня свои средства.

Закрывая глаза, я попытался закончить так быстро, как мог. Такой секс был хорош так же, как кофе недельной давности. У меня наполовину стоит, я не возбужден и неспокоен. Так что впервые в жизни я немного хриплю, притворяясь, что кончаю, и вытаскиваю быстро, как могу.

– Было весело, да? – спросила она, когда перевернулась подо мной и ухмыльнулась, беря меня за щеки.

Будто трешь член о пилку для ногтей.

– Эпично, – пробормотал я.

Она наклонилась вперед, чтобы поцеловать меня в уголок рта.

Подавленный, я снял презерватив, пока шел в ванную. Я выкинул его в мусорку и повернулся к туалету, чтобы помочиться. Нахмурившись, я присел, чтобы рассмотреть розовый осадок вокруг резинки. Еще один плохой звоночек.

– Грейс?

– Да? – промурлыкала она из комнаты, беря пульт и переключая каналы.

– Думаю, у тебя была кровь.

– Правда? Ох, такое случилось со мной еще в колледже. – От ее металлического смеха, казалось, хрустели кости, когда он эхом проносился по моей комнате.

– Что это значит? – спросил я.

– Без понятия. Мне, правда, нужно проверить. В последнее время я была очень напряжена, как узнала о завещании. Даже ни разу не пользовалась вибратором.

– Позвони своему врачу, – попросил я.

– Так точно, сэр.

Я вернулся в спальню, наблюдая за ней и пытаюсь разгадать всю ложь, которой она была покрыта, пытаюсь понять правду. Но она была слишком хороша в этом. В такой шараде. У нее всегда получалось прекрасно врать.

– Хорошо, будущий муженек. А теперь иди сюда. – Она

потянулась ко мне и потащила на кровать. – Давай немного пообнимаемся.

Кто, черт возьми, эта женщина?

– С каких пор мы обнимаемся? – спросил я.

– Теперь начнем! – воскликнула она, снова возвращаясь к фальшивой радостной маске. – Мы же собираемся пожениться, да?

Мы попытались смотреть что-то вместе, но у Грейс аллергия на документальное кино, а мне нет дела до глупых реалити-шоу, где люди пили, сплетничали и продавали дома.

В конце концов я позволил ей смотреть что-то на Bravo TV и заснул.

Глава 8. Арсен

Спустя три месяца я отвез Грейс в Мартас-Виньярд, что-то вроде менее привлекательной и гламурной версии Кейп-Кода. Хэмптонс без блеска, так можно было назвать эти места. Мне нравилось в Мартас-Виньярде не больше чем в ближайшем общественном туалете, но я знал, что, снимая там дом, Грейс будет чувствовать себя, как Мишель Обама.

– Боже мой, Арсен, я словно королевская особа. Что я сделала, чтобы заслужить такое? – ожидаемо восклицает Грейс, кладя руки себе на щеки в притворном удивлении и кружась в огромном фойе ослепительного особняка Оук-Блафс.

Умудрилась стать еще более недоступной для меня, живя под моей крышей.

По глупости я решил, что если мы будем жить с Грейс вместе, то это сблизит нас.

Случилось почти противоположное. Грейс работала как ненормальная и возвращалась домой после девяти или десяти в большинстве случаев. За последние два месяца она провела половину своих выходных в Цюрихе, работая над сложным слиянием двух небольших частных банков.

Она определенно старалась, в этом я мог ее похвалить. Мы занимались сексом, как кролики. Она готовила мне завтраки, дарила любимые галстуки и одеколон, а еще старательно держалась за мою руку на всех официальных меро-

приятнях.

Тот момент с засухой, когда она истекала кровью, стал единичным случаем. С тех пор у нас был достойный внимания секс. Она больше не поднимала анальную тему, и я был рад этому.

Она перестала представлять меня своим сводным братом и начала обращаться ко мне как к напарнику в преступлениях. Несчастливая середина между тем, чтобы называть меня братом и напрямую признавать, что мой член жил бесплатно у нее между ног.

В финансовых кругах Манхэттена все были взбудоражены новостями, что пока я ждал, когда истечет срок моего запрета, решил съехаться со сводной сестрой для своего удовольствия, и она знала об этом. Более того, так как Грейс постоянно напоминала, что мы брат и сестра, хоть и сводные, люди думали о нас как о родственниках. В конце концов, мы и правда были похожи, из-за темных волос и глаз.

Все это было невероятно запутанно и потому невероятно увлекательно для меня.

– Ты заслуживаешь этот отдых. – Я сжал кулаки внутри моих передних карманов, наблюдая, как она восхищалась внушительными колоннами и книжными полками во всю стену. – В последнее время мы почти не видимся.

– Но когда это происходит, то это прекрасно. Не думаешь? – Она обняла меня за шею руками, целуя меня. Прежде чем я успеваю ответить на поцелуй, она отклоняется. – Я го-

ворила тебе, как хорошо ты сегодня выглядишь? – Лучезарно улыбнувшись, она продолжила: – Как несокрушимый король. Боже, Арс, я не думаю, что мне будет когда-нибудь достаточно тебя.

Она потащила меня дальше по коридору, цепляясь за меня, как за дерево, в процессе срывая с себя одежду, готовая к первому праздничному подарку.

– Я так рада, что мы это делаем. Я очень скучаю по тебе, когда мы не вместе. Не могу дождаться, когда уже смогу уволиться с этой ужасной работы, как только мы поженимся. – Ее рот, горячий и нетерпеливый, путешествовал по моей челюсти, постепенно спускаясь вниз. – Ты же купишь мне маленький бизнес, чтобы мне не было скучно? Винодельня или что-то подобное.

Я взял ее за шею и жестко прижал к стене, пожирая ее рот, наказывая в поцелуе, пока наши тела сливались друг с другом. Пар жара клубился между нами, словно пожар.

– Ты скоро получишь все, чего желает твое сердце, – бормочу в ее горячую кожу.

Все, что она не заслуживала. У мужчин семейства Корбинов одна схожая черта – мы всегда знали, как выбирать не ту женщину.

* * *

Предложение было тихим и не таким простым. Мне каза-

лось безвкусным, когда люди просили других выйти замуж в общественном месте, где их вторая половина не могла отказать.

Я пригласил Грейс на хороший ужин, купил бутылку дорогого вина и когда мы вернулись в наш арендованный дом, то подарил ей кольцо с гигантским бриллиантом.

– Боже мой! Как неожиданно! Это что, кольцо самой принцессы Англии? – проворковала она, принимая и делая мне двадцатиминутный минет, после чего выпила две таблетки обезболивающего, чтобы не болела челюсть.

Она была счастлива. Так счастлива, что напевала что-то, смеялась и даже съела кусочек торта на десерт. Так счастлива, что целовала меня, когда мы гуляли по пляжу, и прижималась ко мне, утыкаясь в шею и не переставая говорить, как ей хотелось заняться благотворительностью, как только она уволится с работы.

Мы собирались пожениться. Миссия выполнена. И все же. Все еще... Я не мог сказать, что был доволен. Я достиг вершины Эвереста только для того, чтобы понять, что не могу там дышать.

В последний вечер перед возвращением в Нью-Йорк мы с Грейс пошли в яхт-клуб. Она ела свой салат с листьями и шевелила своими тонкими пальцами, позволяя последним солнечным лучам упасть на ее обручальное кольцо через стеклянные окна.

Глядя на это, я понял, что Кристиан был прав, когда мы

вместе смотрели кольца. Кто-то точно отрежет палец этой женщины, чтобы заполучить кольцо. Я мысленно сделал пометку купить ей еще одно кольцо, но немного проще, чтобы она могла носить его каждый день.

Теперь Грейс говорила без остановки. В данный момент тема зашла о наших родителях. Мой взгляд продолжал возвращаться к кольцу. Невозможно было не смотреть на него. Оно выглядело неудобным, занимало так много места на ее костлявой руке.

Подобно заявлению. Одному из тех, которое не любили делать пожилые богачи.

Я так богат, что мне противно от себя. Поклонитесь, селяне.

Именно такое украшение я мог бы увидеть на Карди Би. Не благовоспитанная женщина, получившая образование в частной школе из Скарсдейла. Но Грейс всегда будто чувствовала себя меньше, чем была. Может, потому, что ее отец переехал в Австралию еще до ее рождения. Может, потому, что она родилась в грехах, со стыдом матери и с единственной целью – причинить боль моему отцу.

– Арсен, ты слышал, что я сейчас сказала? – Грейс нахмурилась, вырывая меня из своих мыслей.

– Прости, потерял нить разговора. Пожалуйста, повтори. – Я моргнул и сделал глоток минеральной воды. Она покраснела, выглядя смущенной.

– Я говорила о завещании. – Она облизнула губы, ее глаза

пугливо забегали по переполненному залу.

– Что с ним?

– Ну, теперь, когда мы помолвлены, может, лучше, если мы впишем друг друга в наши собственные завещания. Знаешь, на всякий случай...

– На какой всякий случай? – Я сжал челюсти.

– Всякое бывает.

– Конкретнее.

За нашу жизнь Грейс пыталась убить меня один раз (и в отличие от меня, это было намеренно). И это – можно считать меня безнадежным чертовым романтиком – явно не то, что следовало бы делать вашей второй половине. Это было очень давно, но я не хотел давать поводов моей прекрасной и хитрой невесте попробовать еще раз.

Она была весьма находчивой женщиной, а я был очень богатым человеком.

– Я знаю, ты вспоминаешь о том случае. Но это была всего лишь глупая подростковая месть. Я была ребенком. У меня скакали гормоны, как у ненормальной. Недоразвитая лобная доля и все в этом духе, – проговорила она, покрутив запястьями и задумчиво посмеявшись.

– Твоя недоразвитая лобная доля не волнует меня. А вот твоя недоразвитая совесть еще как.

– Не очень вежливо так говорить со своей невестой, – надулась она.

– Вежливость – это не то, что мы ищем друг в друге, –

сказал я, ухмыляясь и тыльной стороной ладони касаясь ее щеки.

– Ты даже не подумаешь об этом? Для меня? – Ее глаза смотрели на меня, словно два бриллианта из оникса. – Ты же знаешь, как это много значит для меня. Доверие, конечно. Не деньги. Только доверие.

Конечно, у меня не было семьи, которая могла получить мое состояние. Если я завтра умру, то большая часть вероятнее всего перейдет Грейс, ей уйдет почти все, чем я владел. Как и Миранде, но я не хотел, чтобы что-то из этого досталось ей.

Не нужно быть гением, чтобы понять, что намерения Грейс были какими угодно, но не добрыми. Нам было по тридцать, мы были здоровые и явно не рисковали попасть в гроб в ближайшее время.

– Нет, – кратко сказал я.

– Нет? – Она моргнула, в удивлении смотря на меня. Она не привыкла к этому слову, особенно от меня.

– Нет, – повторил я. – Мне не нужно об этом думать.

– Оу, что ж... Я понимаю, – сказала она, но я знал, это не так. Потому что она надулась, как воздушный шар.

– Я планирую оставить все, чем владею, Планетарному обществу, – продолжил я.

– Хорошо. Я... Я не должна была просить. – Она потянулась к жемчужинам на шее, играя с ними.

Кто-нибудь выдайте ей премию «Золотая малина»⁶, она была ужасна, играя невинную роль.

– Так что ты можешь отменить помолвку прямо сейчас, – я подталкиваю ее почти с весельем. – Если это испортило нашу сделку для тебя.

– Не нужно. Правда, это было лишь предложение. Я не против твоего решения. Я не выхожу за тебя из-за денег, – сказала она, покачав головой, у нее вырвался хриплый смешок из горла.

Конечно, она выходит замуж из-за денег. И самое худшее, я знал, что не откажу ей. Проверю ее – куда без этого. Но я никогда не буду сопротивляться до конца. Она получит то, что хотела. Я запишу ее в свое завещание, как и она меня в свое.

– Грейс?

– Да, любимый? – Она попыталась натянуто улыбнуться. Мимо.

– Мы ходим к моему адвокату и внесем необходимые изменения.

Ее плечи расслабились в облегчении. Она улыбнулась, теперь по-настоящему улыбнулась. Все черты ее лица будто бы посветлели, как цветок, который тянется к солнцу в первый день весны. Никогда еще я не заставлял ее так улыбаться.

Ощущение собственности и желания пробежалось по мне.

⁶ «Золотая малина» – премия за худшую роль, худший фильм и так далее.

Она моя. Ее костлявые руки. Ее темные глаза. Ее черное сердце. Все мое.

– Спасибо за доверие ко мне. – Она потянулась через весь стол, чтобы взять меня за руку и сжать ее. Ее руки были холодными и сухими. – Я люблю тебя.

Я пообещал себе не пить и не есть ничего, что она приготовит, пока она сама не попробует первый глоток или кусочек.

– Я тебя тоже, – ответил я.

И это было правдой. Я любил ее. Я был уверен в этом.

Но еще я знал одну вещь наверняка – пятна леопарда не меняются.

Глава 9. Арсен

Семнадцать лет

Я приехал домой на Рождество. Или, лучше сказать, в место, которое лишь технически было моим домом. Если бы я мог, то остался в Академии имени Эндрю Декстера, но это зависело не от меня. Я бы остался с этим придурком Риггсом, который наверняка найдет необычные способы, как поджечь себя, или будет прыгать с крыши на крышу, чтобы скоротать время. Или с Ники. Каким бы тихим, сдержанным и грустным он ни был, он все еще хороший собеседник. И не был совсем идиотом, кстати. Всегда плюс с моей стороны.

Дело в том, что эти двое сирот были моей семьей больше, чем бессердечные существа, захватившие этот особняк.

Эти самые существа сейчас ворвались в столовую, полностью игнорируя мое присутствие за столом, пока я завтракал и наслаждался своей книгой по астрономии.

– Ты эгоистичный мерзавец, Дуг! Вот кто ты. – Миранда вонзила свои когти в спинку обитого обеденного стула, выплевывая дым и огонь на моего отца, который, конечно же, последовал за ней сюда.

– Кто бы говорил, дорогая. Что ты думала? Я просто так позволю тебе отдать этот особняк твоей матери?

Значит, Миранда перешла черту. Никогда не стоило рас-

поряжаться имуществом Корбинов без разрешения. Мы были довольно скупы на подобное. Я перевернул страницу в книге.

– Ей негде было жить! – взвизгнула Миранда.

– Мы могли арендовать ей дом. У меня есть люди, которые сдают недвижимость! Платежеспособные клиенты. О чем ты только думала?

Другими словами, они все еще не заметили меня. Не то чтобы я был удивлен. Интересно, где была Грейслин. Она вела себя необычайно тихо со времени моего приезда, без сомнения, обдумывала, как убить меня и не оставить улики.

– Я думала, у меня будет поддержка мужа! Засуди меня за предположение. – Миранда схватила вазу с центра стола и швырнула ее в отца. Он ловко и искусно увернулся, из-за чего я вспомнил, что кидать друг в друга вещи было здесь обычным делом, сродни передаче варенья друг другу за столом.

– Что ж, в этом ты права. Когда-то мне было не все равно. Но теперь уже нет. Ты даже наполовину не такая красивая, какой была в нашу первую встречу, и вдвойне более темпераментная и проблемная. С меня хватит.

Похоже, Миранда и отец были на грани развода. Не потому, что она вела себя ужасно по отношению к нему. Она всегда такой была. А потому, что он, наконец, начинал это видеть. И, похоже, он не был согласен на ее перемены настроения и прихоти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.